ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА КПСС



ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ 1988/12

В. С. Марков

XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ



ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА КПСС

12/1988

Издается ежемесячно с 1967 г.

В. С. Марков

XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ



Издательство «Знание» Москва 1988

ББК 66.61(2)2
М 25

Автор: МАРКОВ Владимир Семенович, политический обозреватель журнала «Коммунист», автор многих работ по проблемам научного социализма, идейно-политической жизни советского общества на современном этапе. Делегат XXVII съезда КПСС.

Редактор: *ЯСТРЕБОВ Л. Б.*

Марков В. С.

М 25 XIX партконференция: взгляд в будущее. — М.: Знание, 1988. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС»; № 12).
11 к.

В брошюре раскрываются содержание работы и значение крупнейшего форума Коммунистической партии Советского Союза — ее XIX Всесоюзной конференции, открывшей новый этап перестройки — этап практической реализации крупномасштабных, политических решений, выработанных после апреля 1985 г.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов, широкий круг читателей.

0902000000

ББК 66.61(2)2

ИСХОДНЫЕ ПУНКТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

XIX Всесоюзная конференция КПСС по праву названа событием беспрецедентным. Она была таковой во многих отношениях, но прежде всего — в том примере глубокой, всеобъемлющей, бесстрашной по теоретическим и практически-политическим выводам самокритики, который дала партия. Самокритичной, объективной, точной была оценка хода социально-экономических преобразований, выполнения решений XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК, особенно июньского (1987 г.). Но еще более самокритичной явилась оценка деятельности всей существующей политической системы — настолько, что в документах конференции, в решениях июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС эта работа самокритики привела к разработке целостной концепции коренной реформы всей советской политической системы, включая вопрос о месте и роли партии в этой системе.

Чем обоснована необходимость такого крупного, принципиально важного шага? Можно ли подобную постановку вопроса — именно о коренной реформе — назвать неожиданной? По нашему мнению, это — естественное развитие развертывающегося уже четвертый год процесса всеобъемлющей революционной перестройки. Более того, истоки той постановки вопроса, которая дана XIX партконференцией и июльским Пленумом ЦК, ее, так сказать, предощущение легко можно найти в материалах январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором процесс перестройки при обсуждении назревших перемен в кадровой политике рассматривался комплексно, многосторонне, как было сказано в докладе М. С. Горбачева, «в широком социально-политическом плане, учитывая уроки прошлого, характер переживаемого момента и задачи на будущее». На январском Пленуме был дан масштабный анализ обнаруживших себя

реальных механизмов торможения и ложных теоретических (и директивных) стереотипов в экономике, в социальных и политических отношениях, их отражения в сознании, психологии общества. Среди тех проблем, где «ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивались их теоретическая глубина и значимость», были названы и такие, как «народовластие и самоуправление, борьба с бюрократическими извращениями», «гарантии здорового развития партии и общества». Были указаны и недостатки в политической работе партии, например, такой, что далеко не каждая из первичных организаций «вела решительную борьбу с негативными явлениями, вседозволенностью, круговой порукой, с ослаблением дисциплины, распространением пьянства. Не всегда давался должный отпор ведомственности и местничеству, националистическим проявлениям». Подъем общественного мнения, развитие критики и самокритики, расширение гласности подтвердили в последующем точность этих оценок и не снижающуюся актуальность борьбы против названных недостатков.

В материалах январского Пленума мы легко отыщем указание на первостепенное значение приведения в действие на полную мощь инструментов роста политической активности масс. Из того разностороннего определения перестройки, которое содержится в докладе на этом Пленуме, напомним лишь те ее характеристики, которые особое звучание приобрели именно в работе XIX партконференции и в решениях июльского Пленума ЦК КПСС: «Перестройка — это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка — это неуклонное повышение роли интенсивных факторов в развитии советской экономики; восстановление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, обеспечение перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы орга-

низации труда и производства, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости».

Вместе с тем в докладе было отмечено, что мы еще находимся на начальном этапе перестройки и впереди — огромная работа. «Конечно, мы понимаем, — говорил М. С. Горбачев, — что преодоление сложившихся стереотипов мышления и действия — процесс сложный, не безболезненный, требующий времени и взвешенного подхода.

Совершенно очевидно, что этот процесс не может протекать автономно, изолированно от преобразований в политической, социально-экономической и духовной жизни.

Мы должны ясно представлять, что сегодня требуется целая система мер. Тут и выработка теоретических положений, базирующихся на реальностях современности и глубоко обоснованном научном предвидении будущего, и изменение общественного сознания, и последовательное развитие демократических институтов, и воспитание политической культуры масс, и перестройка механизма хозяйствования, организационных структур, и, конечно, проведение активной социальной политики».

На фоне такой оценки сделанного в ходе перестройки и комплекса предстоящих задач во втором разделе доклада на январском Пленуме («Углублять социалистический демократизм, развивать самоуправление народа») уже нетрудно заметить основу замысла той будущей реформы политической системы, которая определена ныне решениями XIX партконференции и июльского Пленума ЦК. Идейным стержнем этого замысла можно смело признать неоднократно, настойчиво повторяющийся В. И. Лениным тезис о неразрывном единстве демократии и социализма. Вот как был выражен этот тезис в докладе: «Только через последовательное развитие демократических форм, присущих социализму, расширение самоуправления возможно наше продвижение вперед в производстве, науке и технике, литературе, культуре и искусстве, во всех сферах общественной жизни. Только такой путь обеспечивает сознательную дисциплину. Только через демократию и благодаря демократии возможна сама перестройка. Только так можно открыть простор самой могучей созидательной силе социализма — свободному труду и свободной мысли в свободной стране».

Базой всеобъемлющего процесса демократизации является развитие демократии на производстве, начиная с демократического проявления интересов, прежде (а нередко и теперь) стесненных засилием командно-административных методов управления. И в качестве первого шага преобразований в политической сфере указано логично связанное с введением выборности руководителей на производстве совершенствование избирательной системы в целом. Причем реализация этих предложений явилась бы первым шагом по пути демократизации процесса формирования и функционирования органов государственной власти. «Но, очевидно, — предупреждал в январе 1987 г. М. С. Горбачев, — нужно обдумать и более глубокие перемены, дальнейшие шаги в этом направлении. С учетом накопленного опыта и новых задач необходимо еще раз самым тщательным образом вникнуть в ленинское наследие по вопросам советского государственного строительства, использовать его в решении задач, вставших перед обществом сегодня». В докладе были намечены сферы, где предстоит сделать такие «дальнейшие шаги»: расширение внутрипартийной демократии, развитие контроля снизу, критики и самокритики, расширение гласности, особенно через средства массовой информации, укрепление социалистической законности, развитие законодательства, расширение социальной базы демократии, совершенствование на этой основе межнациональных отношений. Как видим, замысел решений и дел лета 1988-го зрел еще в январе 1987-го.

И хотя перестройка была еще на начальном этапе, весьма остро был поставлен вопрос о политически важных деловых, практических ее результатах, отвечающих чаяниям трудящихся масс. «О нашей политике, о перестройке, — говорил М. С. Горбачев в заключительном слове на январском Пленуме ЦК, — люди будут судить — и чем дальше, тем строже — по осязаемым результатам в практическом улучшении условий труда и жизни миллионов: насколько стала четче организация производства, справедливее оплата труда, ускорилось строительство жилья, улучшились торговля, бытовое обслуживание, работа городского транспорта, поликлиник, больниц, насколько чище, свежее нравственный климат в партийной организации, в трудовом коллективе».

Назревание коренных преобразований в политиче-

ской организации общества прорисовывалось и в ряде пунктов постановления этого Пленума ЦК КПСС. Он признал необходимым максимально использовать возможности расширения социалистической демократии, развития советской политической системы, наполнять работу партийных, государственных органов, общественных организаций реальным демократическим содержанием, обеспечивать условия для значительного усиления воздействия трудящихся на подбор кадров и контроль за их работой. И далее: «Учитывая, что подлинная демократия не существует вне закона и над законом, Пленум придает большое значение разработке и принятию новых законодательных актов, повышению роли советского суда, строгому соблюдению принципа независимости судей, решительному усилению прокурорского надзора, совершенствованию работы следственных органов, всех путей и средств охраны интересов Советского государства, обеспечения прав и свобод граждан. Партия исходит из того, что социалистическая демократия не имеет ничего общего с вседозволенностью, безответственностью, анархией. Она призвана реально служить человеку, коллективу и обществу, развитию инициативы трудящихся, раскрытию творческого потенциала социалистического строя, укреплению законности и справедливости, здоровой нравственной атмосферы в нашем обществе». Так завоевывались подступы к концепции социалистического правового государства.

Высокие требования были предъявлены Пленумом в связи с этим к работе партийных организаций и их комитетов. В своем постановлении Пленум ЦК подчеркнул необходимость настойчиво добиваться того, чтобы каждый партийный комитет как орган политического руководства «выступал настоящим генератором и проводником новых идей, организатором взаимодействия всех сил, умел правильно их расставлять, предвидеть и учитывать последствия принимаемых решений. В центре внимания партийных комитетов должны быть забота о человеке, условиях его труда, быта и отдыха, формирование сознания людей. Надо на деле перенести упор в стиле руководства на живую работу в массах, организацию практического выполнения принимаемых решений и намечаемых планов, поддержку народной инициативы, поощрение новаторского поиска». Думается, что это требование и поныне не утратило актуальности, и не меша-

ло бы тщательно проверить его фактическое исполнение хотя бы некоторыми партийными комитетами.

Следующей ступенькой к XIX конференции явился июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, который принял решение о ее проведении. Идеи Пленума также составили важную базу работы партконференции. Опыт осуществления радикальной экономической реформы, накопленный сначала в ряде отраслей, а с введением в действие Закона СССР о государственном предприятии (с 1 января 1988 г.) — во всем народном хозяйстве, создал основу для новых дискуссий и новых решений.

И еще крупная веха в подготовке Всесоюзной партийной конференции — октябрьский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, празднование 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев поставил вопросы: «Что нам удалось сделать? На каком рубеже мы находимся?» Как идет революционная перестройка, продолжающая дело Октября? Общий вывод на сей счет только что завершившегося Пленума ЦК КПСС, сказал он в докладе, таков: мы переживаем переломный момент. В основном завершен первый этап работы по перестройке. «Сейчас, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, — мы можем говорить о вступлении в новый этап перестройки, когда вся наша политика, все наши решения трансформируются в конкретные дела, воплощаются в жизнь. Это требует огромных усилий всего народа — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех наших кадров. Теперь уже сама жизнь будет проверять наши идеи, планы, подходы и методы работы».

Первый, начальный этап перестройки выполнил свои задачи. Утверждается гласность, в общественном сознании все заметнее преобладает реалистический и критический взгляд на действительность, растет заинтересованный подход масс ко всем общественным проблемам. Концептуальная основа перестройки приобретает все более законченный характер, особенно в связи с разработкой платформы коренной реформы политической системы. (Кстати, нельзя не отметить нелепой «критики» в адрес партии по поводу того, что в перестройку партия вступила без готовой концепции; такая позиция выдает элементарное незнание соотношения теории и практики в марксизме-ленинизме: подлинно научная, дейст-

вительно эффективная теория немыслима вне практики, до накопления опыта — априори.) Окончательную черту под первым этапом перестройки подвели XIX Всесоюзная партконференция и июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС. Настало время конкретных дел.

Конечно, и на первом этапе перестройки были не только размышления и дискуссии, выяснение причин застоя и поиски путей к ускорению — немало было сделано, получены значительные практические результаты. Например, остановлено снижение темпов развития экономики и роста благосостояния людей. Начала заметно расти производительность труда (весь прирост продукции промышленности и сельского хозяйства получен за счет этого), увеличились (особенно в первом полугодии 1988 года) темпы роста национального дохода, и это несмотря на то что резко упали доходы государства, во-первых, от экспорта топлива (из-за падения цен на нефть на мировом рынке), во-вторых, от торговли алкогольными напитками. Борьба с пьянством, однако, принесла и высокие положительные результаты: возросла средняя продолжительность жизни, заметно сократился травматизм, снизилась преступность. За истекшие годы перестройки выше стали темпы строительства жилья.

И все же едва ли не главным практическим результатом нового, начатого апрелем 1985 г., периода в жизни советского общества стала коренная перемена в общественной обстановке. Набирают темпы процессы демократизации, расширяется гласность, а вместе с тем возрастает социальная активность всех слоев населения, всех социальных, профессиональных, социально-демографических групп общества. Многоцветнее стала духовная жизнь, инициативнее и острее — общественное мнение. Народ поверил в перестройку, включился в нее, принял выработанную партией концепцию перестройки, готов проводить ее идеи в жизнь.

Сейчас дело за тем, чтобы лучше организовать работу во всех отраслях общественного труда, наращивать активность масс, активнее включить в действие все материальные и идейно-нравственные стимулы созидания, развивать инициативное участие людей в обновлении социализма.

И здесь нельзя не вспомнить еще раз добрым словом документы 70-летия Октября. Происходящая в нашей стране перестройка столь масштабна и глубока,

вторгается в такие глубины народного духа, что для ее успеха необходима мобилизация самых коренных основ общественного сознания, включая патриотические чувства, общечеловеческие нравственные ценности, сознание интернационального братства и интернациональной ответственности советских людей, классово-политические мотивы активности в их современной форме. Следовательно, неизмеримо возрастает значение и исторического сознания, всех его пластов. Особенно важны, родственны идеям перестройки идеи, факты, оценки, выводы, связанные с историей Великого Октября, строительства и защиты социализма. Доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается» раскрыл объективную, научно обоснованную панораму 70-летней истории советской страны, героической борьбы трудящихся нашей страны за создание и успешное развитие первого в мире социалистического общества. Взвешенные, четкие оценки даны в этом документе самым сложным процессам и периодам нашей истории.

«Необходимо оценить прошлое, — говорилось в докладе, — с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет (периода построения социализма. — *В. М.*) для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому, что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка, — нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов».

Извлечь уроки не только из завоеваний и успехов, но также из нелепых, чуждых природе социалистического строя деформаций и тяжких трагедий необходимо не только для того, чтобы мы лучше знали свою историю, и не только для того, чтобы историческое сознание общества было основано на правде и лишено «белых пятен». Полное и правдивое знание своей сложной, непо-

вторимой истории, верные оценки былых событий и явлений, действовавших в истории людей чрезвычайно важны для выбора позиции в ходе нынешней революционной перестройки. На что зажмуримся в картине прошлого, то может прорасти в настоящем; эти-то ростки и придадут настоящему облик прошлого, перекроют дорогу в обновленное будущее. Людей, не желающих расставаться с прошлым, глядящих не то что на «белые», а на самые «черные пятна» в истории сквозь розовые очки, немало. Вряд ли всех их безоговорочно можно назвать врагами перестройки, отнести к силам торможения, но объективно их позиция служит закреплению в жизни того, что уже исторически изжито, служит преградой на пути в будущее. У одних забота об удержании прошлого, о его безоговорочной романтизации связана с привычными, въевшимися иллюзиями, у других— с конкретным интересом, желанием сохранить стабильность своего места в жизни, навыков, знаний, с нежеланием перемен, то есть беспокойства и новых усилий.

Весной 1988 г. широкий общественный резонанс получила попытка пересмотра ряда исторических оценок, данных партией (доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» был обсужден и одобрен Пленумом ЦК). На многих произвела тягостное впечатление, а кого-то и просто запугала призраком возврата к старому публикация газеты «Советская Россия» 13 марта «Не могу поступиться принципами»— письмо ленинградской вузовской преподавательницы Н. Андреевой, пытавшейся восстановить безоговорочный исторический авторитет И. В. Сталина, отделить его от проводившихся по его указке массовых репрессий. Впрочем, лучше всего упомянутые настроения выразил, выступая на XIX партконференции, выдающийся актер и театральный деятель Михаил Ульянов. Приведем эту часть его речи вместе с репликой М. С. Горбачева:

«Есть у нас сегодня такие правовые, юридические, политические, конституционные гарантии, права, законы, которые бы оградили нас от возможного бесконтрольного администрирования, а там, глядишь,—и культ? Нет. И наша архиважная задача и народа, и партии найти, во что бы то ни стало найти, выработать такие законные гарантии, которые были бы непреодолимой преградой для любого лихого желателя покомандовать, попугать народ, пустить кровь. А что подобное абсо-

лютно реально, показала горькая и жутковатая история со статьей Нины Андреевой. Эта статья застала нас врасплох. Многие, не все, но многие уже вытянули руки по швам и ждали следующих приказаний.

М. С. Горбачев. Михаил Александрович, она прислала письмо. Вот здесь, сейчас к нам поступило, передали. Члены Президиума будут читать письмо. Она настаивает на своем.

М. А. Ульянов. Вот видите как! Но не в ней дело, дело в нас, что мы перепугались ее письма. Вот что страшно. И появись они, эти указания, их моментально бросились бы выполнять, не задумавшись и не колеблясь. Раз написано в газете, значит, это указание. И хоть душа болела, а подавляющее большинство (в этом, думаю, М. А. Ульянов ошибается. — *В. М.*) замерло и ждало предначертаний. И понимали, что это неверно, а ждали, тряслись, но терпеливо, послушливо и обреченно ждали. А не появись статья в «Правде», всколыхнувшая оцепенение, общественное молчание, ожидание, как шла бы наша конференция сегодня? Вот ведь как глубоко в печенку въелись в нас послушливость и бездумная исполнительность! 150 лет назад Александр Сергеевич писал:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Оглушила на время нас эта статья. Как выяснилось, мы еще боимся «сметь свое суждение иметь». Ну, положим, можно понять человека времен культа: боялись за свои головы. Действительно было страшно, наверное. Можно понять человека времен волюнтаризма: верили без оглядки Хрущеву. Понять бы можно человека времен застоя, когда вообще ни во что не верили, видя вселенскую ложь и воровство. Но сейчас-то чего ждать? Сейчас-то что мешает определиться, когда развязаны руки, раскрыты души? Неужто опять проклятый страх, который сидит в наших генах? Истинно сказано: надо прежде всего перестраиваться самому. Но думается, что без правовых, экономических, политических, юридических рычагов, способных создать законноохранное государство, не удастся изменить нам самих себя. Человеческий фактор без правовых основ не сыграет никакой роли. Так я думаю».

Очень верное, назревшее, выражающее волю и чаяния широких масс требование — обеспечить нерушимую законность и прочные демократические порядки, гарантирующие от произвола, создать социалистическое правовое государство. Правда, здесь у М. Ульянова содержатся неточности, даже противоречия. Неточно, что «верили без оглядки Хрущеву» — не все. Неточно, что во времена застоя «вообще ни во что не верили» — таких все-таки было меньшинство, несмотря на «вселенскую ложь и воровство», и такие, надо признать, есть и теперь, в период перестройки. А противоречие тут в том, что страх не просто сидит в генах, но имел и имеет вполне реальные основания: и в период Хрущева, и в годы застоя были и политические заключенные, и невинно растоптанные иными способами судьбы. Да и сейчас такие случаи бывают: в газетах можно прочесть об этом нередко, хотя, конечно, далеко не каждый случай предается огласке (просто их немало), да и не всякую свершившуюся несправедливость удается поправить. Наше время лучше тем, что всегда есть шанс пресечь произвол, предостеречь его любителей и гласностью, и общественным возмущением, и наказанием, хотя, по правде говоря, последнее чаще всего бывает слишком мягким.

Не случайно, что в дискуссии перед конференцией — а она началась задолго до опубликования Тезисов ЦК — вопросы демократизации в самом широком смысле занимали центральное место. За годы перестройки, по мере расширения гласности и укоренения идеалов и принципов демократии, в массах крепло и крепнет убеждение в необходимости широкой и полной демократизации всех сфер жизни общества, а значит, в необходимости закрепить этот процесс во всем его многообразии законодательно, создать правовое государство с незыблемой законностью, с гарантиями предотвращения любых проявлений произвола и административного насилия — над массами ли, над личностью. И в ходе всенародного обсуждения Тезисов ЦК КПСС основная масса высказанных предложений и критических замечаний фактически — прямо или косвенно — относилась к этой проблематике.

Могу подкрепить это суждение результатами анализа тех предложений и замечаний, которые были высказаны коммунистами и беспартийными гражданами Ле-

нинского района Москвы. Комиссия РК КПСС, в работе которой я участвовал, внимательно рассмотрела каждое из 1617 предложений, поступивших в райком (всего их было 3671, но другие имели значение для внутренней жизни трудовых коллективов и партийных организаций и были обсуждены на местах, где и требовали практического решения). Линия партии на перестройку, на демократизацию общественной жизни, опирающаяся на проведение радикальной экономической реформы, получила безоговорочную массовую поддержку. Однако это совсем не было похоже на характерные для прошлых лет и десятилетий казенные кампании «единодушного одобрения»: шла широкая и подчас весьма острая дискуссия, происходило столкновение разных мнений, разных подходов к решению одних и тех же проблем (например, приводились разные оценки предложенной в Тезисах ЦК общественно-политической аттестации коммунистов). Способствовало такой живой и открытой полемике, несомненно, то, что Тезисы ЦК были опубликованы не как директива, а именно как платформа для дискуссии, для свободного обсуждения. Различия в мнениях чаще всего отражали специфику социального и профессионального положения людей, особенности их жизненного и политического опыта, разный запас знаний, разный уровень понимания тех путей и средств, которые требуются для достижения целей перестройки, для успеха огромной работы по обновлению социализма, при всеобщем признании необходимости революционной перестройки и, следовательно, обновления социализма.

Большинство предложений относилось к жизни партии, ее деятельности, к осуществлению ею руководящей роли, совершенствованию внутрипартийной жизни и стиля работы партийных организаций, их комитетов и бюро. Таких предложений было 911, или 56,3% от общего количества. Они касались не только вопросов внутрипартийной демократии, но и методов и форм влияния партии на демократизацию всего общества, на ускорение социально-экономического развития. Сознание высокой ответственности партии, всех ее звеньев, каждого коммуниста за положение дел в обществе, за ход перестройки — вот главный мотив всех подобных предложений, как они ни были различны, а подчас и противоречивы меж собой.

Демократизация, демократизация, прочные гарантии

этого процесса, составляющего стержень перестройки,— таков мотив как этого, так и другого крупного массива предложений: по развитию советского государственного и общественного строя, повышению роли Советов народных депутатов, совершенствованию социалистического законодательства, включая Конституцию СССР. По этим вопросам было получено 531 предложение (32,9%).

Вопросам социально-экономического развития было посвящено 105 предложений (6,5%), а духовной жизни и идеологической работы — 70 (4,3%). Может возникнуть вопрос: почему столь малое количество предложений в последних двух группах? Думается, это никого не должно смущать, это вполне объяснимо.

Во-первых, действительно, начиная с январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, первостепенное значение улучшений, а правильнее — преобразований, политической организации общества стало осознаваться партией и народными массами все шире и острее. Демократизация партии и общества закономерно обнаружила свою настоятельную необходимость. Люди стали напряженнее размышлять над этими вопросами, искать и экспериментировать на практике, а затем осмысливать и обобщать результаты нового опыта. Так что к конференции мы пришли не с пустыми руками.

Во-вторых, малая доля предложений по экономическим вопросам объясняется тем, что за последние три года наиболее впечатляющая работа была проведена нашим обществом как раз по вопросам совершенствования хозяйственного механизма и иного подхода к решению социальных проблем. Каждый год после апреля 1985-го отмечен новыми важными инициативами и решениями Коммунистической партии и Советского правительства. И хотя общественная жизнь в стране буквально бурлит, творческие поиски нарастают — для выдвижения новых идей и решений требуется время, требуется основательное освоение нового опыта. Дело прежде всего за тем, чтобы воплотить в жизнь уже завоевавшие признание идеи, уже принятые решения. А это задача организаторской работы государственных и хозяйственных органов, задача деятельности партии как политического авангарда народа.

В-третьих, вполне объяснимо и незначительное количество предложений по вопросам совершенствования духовной жизни общества, улучшения идейно-воспитатель-

ной работы. Слишком мало прошло времени после февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором были выдвинуты новаторские подходы в этой сфере. Усвоить идеологию обновления, со знанием дела и умело действовать в направлении ее практического применения и творческого развития — это значит уже осуществить перестройку сознания, психологию кадров партии, всех коммунистов, трудящихся масс. Эти процессы, конечно, идут, но они сложны, объемны, требуют больших усилий, а также, естественно, и времени. Надо учесть при этом, что идеологическая сфера в наибольшей степени сохранила старые, застойные черты, осталась наиболее запущенным участком работы, особенно нуждающимся в перестройке.

В-четвертых, удельный вес этих двух групп вопросов выглядит небольшим отчасти и из-за того, что предложения по ним зачастую носили сугубо конкретный, практический характер, формулировались как очередные деловые задачи Советов народных депутатов и других государственных органов и учреждений, как проблемы перестройки деятельности партийных организаций. В этом следует видеть, так сказать, знамение времени, примету второго этапа перестройки — все прочнее утверждающуюся деловую ориентацию массовых обсуждений. В этом же кроется надежда на близящийся, очевидно, перелом к лучшему в идеологической сфере: конкретное дело заставит, побудит к этому.

Наконец, в-пятых, ряд предложений касался фактически социальной сферы, но был отнесен при анализе к той группе, которая относилась к проблемам совершенствования внутрипартийной жизни. Эта тема заслуживает специального разговора, поскольку достаточно регулярно и остро затрагивается в печати, устных обсуждениях, получила освещение — притом довольно неоднозначное — и в ряде выступлений на партконференции. Продолжим этот разговор ниже — там, где речь пойдет о самой конференции.

Особенно порадовала деловая, практическая направленность предложений по вопросам совершенствования советской государственности, социалистического законодательства, всей политической системы, восстановления подлинного полновластия Советов и развития самоуправления народа. Большое число подобных предложений и их разнообразие говорят о том, что люди рассматри-

вают обновление советской политической системы не только как настоятельную необходимость, но и как вполне реальное и притом не терпящее промедления дело. Можно с полным основанием сделать вывод: поставленная партией задача — возродить ленинские принципы развития социалистической демократии в деятельности государства и общества, создать современные формы организации — буквально вдохновила участников обсуждения на выдвижение смелых, имеющих огромную практическую ценность идей.

Наибольший интерес представляют, на мой взгляд, те предложения, в которых предлагаются пути дальнейшей активизации трудящихся, населения, развития их самодеятельности, выдвигаются задачи надежного делового взаимодействия Советов всех уровней с трудовыми коллективами, общественными организациями самых разных видов, включая так называемых неформалов, с населением вообще, с гражданами. Ведь как ни важны такие направления преобразований, как совершенствование избирательной системы, улучшение организации работы и структуры Советов, повышение роли их депутатов, нам всегда нужно помнить, что главное содержание, суть Советской власти — это укрепление связи государства с массами, выражение их интересов, все более широкое привлечение людей к управлению делами государства и общества, организация социалистического самоуправления народа.

Можно было бы, конечно, расширить анализ той общественной дискуссии, которая велась перед XIX партконференцией, скажем, на страницах печати. Но это не изменит главной оценки. А она состоит в том, что мощный импульс политической активности масс, коммунистов и беспартийных, обострение всеобщего внимания к проблемам перестройки политической системы создали тот благоприятный общественный фон, на котором работа конференции по этим вопросам сливалась с настроениями широких масс, служила новым этапом и в то же время результатом социального творчества народа. Потому и влияние хода ее работы, принятых ею резолюций, а затем и решений июльского Пленума Центрального Комитета на дальнейшее оздоровление общественной атмосферы, на новый подъем социальной активности масс столь заметно и плодотворно. Решимость подавляющего большинства советских людей обеспечить

успех перестройки, добиться коренного улучшения дел в экономике, в решении социальных проблем, в демократизации общественной жизни и стремление внести свой вклад в обновление социализма очевидны. Дело сейчас состоит в том, чтобы максимально консолидировать все здоровые силы советского общества, все его группы и слои, поднять активность масс, их сознательность и организованность, укрепить дисциплину и порядок. По мере решения этих задач наша общая уверенность в неодолимости перестройки становится крепче.

НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Главным вопросом, стоявшим перед делегатами XIX Всесоюзной партконференции, был такой: как углубить и сделать необратимой перестройку. Но для правильного ответа на этот вопрос необходимо было выяснить, чего же партия и народ добились в ходе перестройки, на какой уровень вышло решение назревших проблем, какие недостатки пока еще не удалось преодолеть и как решать те задачи, которые сегодня выдвинулись в качестве первоочередных, неотложных.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева содержится, в частности, такая оценка: «Три последних года в нашей жизни с полным правом можно назвать поворотными. Усилиями партии, трудящихся удалось остановить сползание страны к кризису в экономической, социальной и духовной сферах. Общество теперь лучше знает и понимает свое прошлое, настоящее и будущее. Политика перестройки, развернутая в конкретные социально-экономические программы, становится практическим делом миллионов. В этом суть политической обстановки в стране». Почвой для этих перемен служит то, что «экономика постепенно набирает обороты. В прошлом году впервые весь прирост национального дохода получен за счет повышения производительности труда. Возобновился рост реальных доходов трудящихся: за два года нынешней пятилетки в расчете на душу населения они увеличились на 4,6 процента». Ускорилось строительство жилья и социально-культурных объектов. Однако при всех позитивных моментах положение дел в экономике меняется медленно, особенно если судить по конечному результату — уровню жизни народа.

В докладе содержится серьезный анализ причин того, почему сделано меньше, чем рассчитывали. Именно в ходе перестройки выяснились масштабы запущенности дел в экономике, да и за последние три года были допущены некоторые ошибки и промахи, особенно в повышении эффективности экономики, улучшении ее конечных результатов, более рациональном, экономном использовании ресурсов. Требуются глубокие структурные сдвиги в экономике, а значит, требуются бóльшие усилия, средства и время. Однако неотложность осуществления тех сдвигов в решении прежде всего продовольственной проблемы, которых ожидает население, также очевидна. И имеются немалые резервы для немедленного улучшения дел. Как показывает сопоставление результатов социально-экономического развития ряда регионов и областей с примерно одинаковыми природно-экономическими условиями, надо только энергичнее браться за дело, лучше использовать новые возможности, открываемые внедрением таких новых эффективных форм организации и стимулирования труда, как аренда (в том числе семейная), различные виды подряда, хозрасчета. И тогда, как показывает опыт передовых коллективов и областей, можно будет существенно поднять производительность труда, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства, добиться высокого уровня экономических показателей и качества производимых продуктов.

Но не только внедрение новых экономических методов, возрождающих у работников села чувство хозяина, дает гарантию прочного решения продовольственной проблемы: необходимо также выполнить крупную программу по развитию инфраструктуры агропромышленного комплекса страны, по улучшению переработки, хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции. Пора сократить, а затем и прекратить ее потери, в ряде случаев до сих пор достигающие прямо-таки фантастических масштабов. И еще один чрезвычайно важный момент указан в докладе — коренной социальный подъем села, улучшение условий труда и быта трудящихся. Суть аграрной политики на нынешнем этапе, отметил М. С. Горбачев, сводится к тому, чтобы изменить производственные отношения в самой деревне. Мы должны восстановить экономическое равновесие между городом и селом, всемерно раскрыть потенциал колхо-

зов и совхозов через развитие разнообразных форм подряда и аренды, преодолеть отчуждение крестьянина от земли, сделать его полновластным хозяином, оградив от всякого командования, кардинально изменить условия жизни сельских тружеников. Только на этой основе можно резко повысить эффективность агропромышленного производства, обеспечить коренное улучшение продовольственного снабжения в стране. Это вопрос не только экономический, но и также крупномасштабный и острый социальный вопрос, который в наши дни приобрел буквально политическое значение, стал оселком, на котором проверяются надежность и реальное содержание перестройки.

Большое значение имеют и другие участки социальной сферы, развитию которых партконференция уделила серьезное внимание: строительство жилья, производство товаров народного потребления, развитие торговли и сферы услуг. Во всех этих вопросах, как и в прогрессе экономики в целом, многое зависит от инициативы, усилий и умения на местах, чего, прямо скажем, до сих пор очень часто не хватает.

С особым интересом отнеслись участники конференции (вряд ли надо говорить, что не меньший интерес был у всех, кто сначала ожидал конференцию, а затем с напряженным вниманием следил за ее ходом, а это подавляющее большинство советских людей) к вопросу о ходе осуществления радикальной экономической реформы: еще бы, ведь здесь — корень решения задачи ускорения социально-экономического прогресса социалистического общества, его обновления. По оценке, данной в докладе, «хотя реформа делает лишь первые шаги, а новые методы хозяйствования еще только осваиваются, они уже начинают положительно сказываться на решении многих производственных и социальных проблем, на всей обстановке в коллективах».

Вместе с тем этот первоначальный этап осуществления экономической реформы особенно труден как из-за недостаточности накопленного опыта, так и из-за вполне естественного соседства нового со старым и их противоборства — ведь осуществлять реформу пришлось в процессе выполнения уже ранее сверстанной пятилетки — сверстанной на основе старых показателей, старых критериев эффективности производства. Подчас старое очень заметно преобладает над новым, а то и подав-

ляет его, и это вызывает законное недовольство пробуксовкой реформы. Настроение это достаточно широко распространенное, потому что с осуществлением экономической перестройки в разных регионах и разных отраслях трудностей хватает — общих и «местных». Но выводы из этих настроений рождаются разные — от столь же законного требования усилить напор в борьбе за новое, активнее ломать механизм торможения до сомнений в успехе перестройки и даже в целесообразности преобразований. На последнее явление было обращено внимание в докладе на конференции:

«Кажется, теперь уже всем должно быть ясно, что возврата к прежним порядкам нет и не будет. Тем не менее и сейчас приходится слышать мнение, что если не «давить» на предприятие планом, то оно, дескать, не станет стремиться к улучшению экономических показателей. На первый взгляд в этих суждениях вроде бы есть какой-то резон. Но реальная жизнь говорит о другом. Приведу лишь один факт. Многие опасались, что расширение прав предприятий, сужение круга директивных показателей приведут к снижению плановых показателей и необходимости пересмотра заданий пятилетки. Действительно, общая сумма прибыли по планам, принятым на этот год промышленными предприятиями, перешедшими на полный хозрасчет, оказалась на 4,5 миллиарда рублей ниже контрольных цифр. Некоторые рьяные приверженцы старых методов не без злорадства потирали руки: вот, мол, к чему приводит стремление полагаться лишь на экономические рычаги и стимулы.

А как же дело пошло на практике? А пошло оно так — за пять месяцев нынешнего года эти предприятия перевыполнили свои планы по прибыли на 2,5 миллиарда рублей. Прирост ее в трудовых коллективах, работающих на полном хозрасчете, составил 12,8 процента против 10,2 процента на предприятиях, действующих по-старому. При этом важно, что увеличение прибыли достигнуто главным образом за счет снижения себестоимости, уменьшения материальных затрат». Таков, подытожил М. С. Горбачев, конечный результат. «И если хозяйственный механизм заработал, обеспечивает улучшение реальных результатов, то это как раз то, что требуется. Поучительный урок! Он должен побудить наконец плановые органы решительно пересмотреть подходы к

планированию, перенести центр тяжести с «давления планом» на экономические рычаги и стимулы».

Надо сказать, что либо недостаточная информированность о результатах экономической реформы в 1988 г. при очевидности ее пробуксовки до этого, либо неумение правильно осмыслить трудности ее осуществления на первых порах (напомним, что концепция реформы была сформулирована на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, а Закон о предприятии, основополагающий для нее, введен в действие всего-навсего с 1 января 1988 г.) привели к неправильным оценкам и выводам даже очевидных сторонников перестройки, что обнаружилось и в выступлениях на XIX партконференции. Так, ощущение затруднений в ходе экономической реформы побудило делегата Г. И. Загайнова, начальника отделения Центрального аэрогидродинамического института имени Н. Е. Жуковского (ЦАГИ), сформулировать предложение о том, чтобы притормозиться: «...как можно быстрее рассмотреть вопрос о корректировке, а может быть, и отмене целого ряда контрольных цифр пятилетнего плана». Хотя конструктивные его предложения, пусть даже высказанные в весьма общем виде, направленные на то, чтобы окончательно преодолеть пресловутый «вал» и сломать затратный механизм хозяйствования, были вполне правильны. «Сегодня, — сказал делегат от Московской области, — три критерия являются ключевыми в оценке нашего экономического благополучия — производительность труда, себестоимость и качество продукции. Именно эти три показателя должны стимулироваться хозяйственным механизмом и быть целевой функцией плана. Наращивание производства допустимо только при выполнении этих трех показателей и наличии спроса. Усилия при этом нужно направить на развитие наукоемких производств и более эффективно задействовать наш огромный научный потенциал — академическую, отраслевую и вузовскую науку».

Переоценка сложностей достижения победы нового в экономике в борьбе со старым, а также, возможно, стремление заострить вопрос, привлечь повышенное внимание делегатов конференции (а следовательно, всей партии, всего общества) к необходимости решительнее ломать сопротивление сил торможения — не это ли привело к пессимистическим выводам одного из видных экономистов академика Л. И. Абалкина? Отчасти его вы-

ступление достигло цели — дискуссия на конференции стала заметно живее и острее. Однако чрезмерный пессимизм его выводов вызвал резкую критику, особенно вывод о том, что «радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла». Ученый, как и полагается, привел достаточно веские аргументы в пользу своего мнения: ссылался на низкие темпы роста национального дохода, медленное улучшение положения дел с ресурсосбережением, сохранение характерных для предыдущего, застойного периода соотношений между группами «А» и «Б» общественного производства, между накоплением и потреблением, состояние потребительского рынка, отсутствие перелома в отношении научно-технического прогресса.

Все это вроде бы верно, подтверждается фактическими данными. Однако следовало бы оговорить, что перечисленные проблемы — это проблемы решительных структурных сдвигов экономики, которые требуют гораздо большего времени, чем прошло с момента начала реформы. Так желание заострить мысль обернулось неточностью оценок, причем оценок, носящих политический характер: как же верить простым людям в успех перестройки, если один из лидеров советской экономической науки, один из мыслителей перестройки ее итоги на сегодня оценивает похоронным образом — «застой»? И обосновывает (исходя из данных об итогах первых двух лет пятилетки) не просто временную заминку (как это и было на деле), а невыполнение пятилетки, формулируя по видимости верное, но, однако, слишком общее, не связанное впрямую с реальным продвижением в осуществлении реформы, правило: «при разработке двенадцатого пятилетнего плана была принята концепция одновременного обеспечения количественного роста и качественных преобразований. С точки зрения науки эти задачи несовместимы». Здесь видна суть неточного вывода, сделанного Л. И. Абалкиным. Это слово «одновременное» путает дело. О какой «одновременности» можно говорить, если речь идет о целой пятилетке — пятилетке не простой, пятилетке революционных преобразований? В рамках пятилетки тоже могут быть разные этапы, и это показывают цифры, приведенные в докладе: два года были очень трудными, темпы были низки, и первое полугодие 1988 г. было еще труднее, а темпы заметно возросли. Ведь должны когда-то преобразова-

ния, если они назрели и хорошо продуманы, давать плодотворный результат. И вовсе не обязательно выводить этот результат, хотя бы первоначальный, за пределы текущей пятилетки, откладывать на следующую. Жизнь показывает, что и в рамках пятилетки, начатой по-старому, есть место для нового, надо только активнее его отстаивать.

Как раз таков был настрой подавляющего большинства делегатов, выступавших по проблемам экономики: отмечали еще сохранившиеся, подчас трудно преодолимые препятствия в проведении реформы, но в то же время требовали более решительного, настойчивого ее осуществления, предлагали конкретные меры для достижения успеха, а многие смогли и подтвердить плодотворность своих предложений сообщениями о практических успехах работы.

Заслуживает внимания более или менее общий для всех выступлений вывод о тормозящей роли министерств, других центральных ведомств, которые отраслевой, ведомственный подход противопоставляют интересам государства, с одной стороны, трудовых коллективов — с другой, действуя старыми методами, противоречащими требованиям экономической реформы, целям перестройки. Наиболее резко выразил такое отношение к деятельности министерств и ведомств генеральный директор Ивановского станкостроительного производственного объединения имени 50-летия СССР В. П. Кабаидзе, предложивший перевести их на хозрасчет и пообещавший не кормить, «коли мышей ловить не будут». Выступавшие подходили к этой проблеме, в целом к вопросу о преодолении тормозящих факторов с разных сторон и потому внесли разные предложения, дающие в совокупности идейную основу для новых решений в развитии экономической реформы.

«Все очевиднее становится факт, — сказал первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозков, — что нынешние министерства сами на решительные преобразования своих отраслей пойти не способны. Для них это равносильно самоликвидации. Неспособны оказались преодолеть этот консерватизм и отраслевые отделы ЦК КПСС. Они, по-моему, и не пытались восстать против него.

Для перестройки управления народным хозяйством

нужны силы, находящиеся вне интересов министерств, вне существующего аппарата».

Что же это за силы? Во-первых, низовые звенья производства, коллективы предприятий и объединений, колхозов и совхозов, активно внедряющие хозрасчет и отстаивающие свою экономическую самостоятельность, и, во-вторых, Советы народных депутатов всех уровней, представляющие интересы трудящихся всех местностей, регионов, республик, ибо наряду с внедрением экономических методов управления во всех звеньях общественного производства необходимо укрепление (а в ряде случаев и просто восстановление) территориального управления экономикой, без которого ее развитие легко может зайти в тупик, ибо отрыв от социальных целей и факторов выхолащивает ее социальное содержание, а значит, подрывает социальные стимулы ее развития.

Интересы же территорий при ведомственном засилье оказываются урезанными, притесненными, загнанными в угол. Об этом говорили многие, достаточно вспомнить яркую речь украинского писателя Б. И. Олейника, где он привел тревожные данные об экологическом ущербе от реализации непродуманных экономических решений (на это указывали и другие выступающие).

Сейчас встает вопрос о необходимости активнее решать назревшие социальные проблемы, восстанавливать полновластие Советов, которые как раз эти проблемы и могут решить целенаправленно и комплексно. Однако экономически Советы часто оказываются беспомощны. Хозяйственная деятельность предприятий, находящихся на подведомственной им территории, идет как бы помимо Советов. «Казалось бы, — сказал первый секретарь Кемеровского обкома КПСС В. В. Бакатин, — наиболее логично ввести прямую зависимость местного бюджета от массы прибыли предприятий союзного подчинения. В Кузбассе таких предприятий подавляющее большинство. На них трудятся 925 тыс. человек. В 1987 году эти предприятия получили более 1,7 млрд. рублей прибыли, из которых в местный бюджет отчислили всего 1,3 миллиона. Это по 1 рублю 38 копеек на каждого работающего. Это что угодно, но это не связь между предприятием и местным Советом».

А когда такие отношения складываются с территориями, представляющими собой суверенные — по Конституции СССР — союзные республики, вопрос при-

обретает национальный оттенок, дает повод думать о несправедливости в межнациональных отношениях. Известно, что нормальное, казалось бы, предложение о внедрении регионального (в данном случае республиканского) хозрасчета стало чуть ли не предметом национального движения, в которое легко просачиваются и представители таких крайних точек зрения, которые враждебны интернационализму, дружбе народов. Чтобы легче преодолеть такие проявления экстремизма, надо лишить их реальной почвы. Однако она остается.

Вот данные, приведенные в выступлении первого секретаря ЦК КП Туркменистана С. А. Ниязова: «Более 40 процентов объема промышленного производства в Туркменистане составляет продукция предприятий союзного подчинения. В прошлом году они внесли в бюджет местных Советов лишь полмиллиона рублей, а в бюджет союзных министерств — 530 миллионов, в то же время дотации из союзного фонда в бюджете республики составляют 344 миллиона рублей.

Аналогичное положение и с бюджетом большинства областных и районных Советов. Распределение почти всей прибыли предприятий через союзные фонды снижает заинтересованность местных Советов в их успешной работе, порождает иждивенческие настроения».

А вот что сказал в беседе с корреспондентом «Правды» в дни работы конференции ее делегат, писатель из Коми АССР Г. Юшков:

— Для моего маленького северного народа один из самых важных вопросов — прекращение многолетнего диктата отраслей, добывающих природные ресурсы — нефть и газ, лес и уголь, все, чем богат наш край. Молясь по-прежнему на «вал», министерства выкачивают все, что могут, из природной кладовой, не думая о том, что останется нашим детям и внукам, не создавая тем, кто сегодня трудится на шахтах, промыслах и в леспромхозах, необходимых условий для труда, быта и отдыха. Без опоры на сильные, обладающие реальной властью местные Советы, отстаивающие интересы трудящихся, перестройка не состоится.

Еще один регион — вернемся в Краснодарский край, послушаем опять делегата И. К. Полозкова. «Краснодарский краевой Совет народных депутатов, представляющий более 5 миллионов населения, сегодня сам решить ничего не может. Он не может изменить структуру уп-

равления подведомственных ему органов, отвести кусок земли для производственных или социальных нужд, перераспределить лимиты на материальные ресурсы с учетом сложившихся обстоятельств. Он не имеет права даже установить дополнительную штатную единицу медсестры в районной больнице. Все взяла на себя Москва. Бюджет за него составляется в Минфине, госзаказ — в министерствах, где и что строить — решает Госплан. На сессиях Советов мы ежегодно обсуждаем планы социально-экономического развития регионов, которые центральные ведомства дают нам после сессий спустя полгода и более. Что же касается поселковых и сельских Советов — давайте сегодня прямо скажем — они вообще бесправны». Дружный напор делегатов на министерства и ведомства как на крепкий барьер в осуществлении радикальной экономической реформы был обоснован большим массивом фактов, свидетельствующих, кроме всего прочего, и об огромном социально-экономическом, экологическом и нравственном ущербе, наносимом ведомственным эгоизмом.

Например, ущерб для природной среды, для здоровья людей, да и для прогресса экономики основательно и широко раскрыл в своем выступлении председатель недавно образованного Государственного комитета СССР по охране природы Ф. Т. Моргун. А председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашской АССР А. П. Айдак, возмущенный фактом списания миллиона (!) «мелиорированных» гектаров земли в РСФСР, сказал: «Чтобы впредь для подобного не было условий, — а при самофинансировании это и необходимо, — целесообразно впредь прекратить бюджетное финансирование мелиоративного строительства. Это станет преградой затратному принципу мелиорации. Мелиоративные работы впредь должны производиться только по договорам с хозяйствами на их деньги в соответствии со схемой внутрихозяйственного землеустройства. При этом, думается, выделяемые Минводхозу СССР деньги следует передать районным организациям агропрома. Там безошибочно определят, куда их употребить, чтобы была лучшая отдача — на строительство дорог, соцкультбыт или на мелиорацию. А передвижные механизированные колонны и проектные организации Минводхоза СССР должны быть переведены на подряд без целевого финансирования их деятельности».

Все приведенные примеры анализа сохраняющихся явлений застоя связаны главным образом с засильем ведомственного подхода, пренебрежением интересами местностей, регионов (а значит, и комплексностью социально-экономического развития), явной слабостью, недостаточностью территориальных связей, территориального управления, с фактическим бесправием Советов. Вывод отсюда вполне ясен: назрело крупное преобразование всех организационных связей, государственных структур, которое выражало бы потребности в обновлении производственных отношений, а затем и всех иных. Предложенный на конференции проект коренной реформы советской политической системы как раз и отвечает этой глубокой потребности.

И потому следует признать не вполне удачным, даже в какой-то мере запутывающим суть дела, высказывание академика Л. И. Абалкина о том, что «одна из серьезных проблем, с которой мы сталкиваемся сегодня, — это попытка решать проблемы путем чисто организационных мер и решений, увеличивая, в частности, количество принимаемых решений. Вообще нам свойственна вера в силу декретов и в возможность новыми постановлениями что-то менять. Но это не подтверждается опытом». По видимости ученый прав. Но что «это»— «не подтверждается опытом»? Что не нужно лишних решений, нельзя принимать «чисто организационные», то есть не связанные с экономическими и социальными преобразованиями, меры? Абсолютно верно. Но ведь нельзя просто возражать против «количества принимаемых решений»: чем большее количество проблем вскрывается, тем больше надо и новых решений, — разумеется, не бумажных, а связанных с практикой, научно обоснованных. И подкрепленных настойчивой, повседневной организационной работой, без которой не движутся ни экономические, ни социальные, ни какие-либо другие общественные преобразования, планы, программы, проекты. А уж тогда, когда речь идет о вскрывшихся слабостях организационных структур, эти самые порицаемые Л. И. Абалкиным «чисто» (неясно, что это значит) организационные меры становятся вопросом жизненно важным, решающим судьбу предпринятых преобразований. Ведь к организационным мерам можно отнести и перестройку хозяйственного управления, и изменения в главной структуре нашего государства — в Советах, их

органах, их учреждениях, изменения методов их формирования и функционирования.

Да и действие другой силы, призванной преодолеть консерватизм старой системы и старых методов управления хозяйством, — самостоятельности низовых производственных звеньев — также ставит при вступлении во второй этап перестройки много проблем. Здесь также сильно торможение, обнаруживаются новые, не предусмотренные ранее трудности или старые, с которыми предполагалось справиться скорее.

Так, секретарь ЦК КП Украины Б. В. Качура в своем выступлении на конференции констатировал, что «инициатива многих коллективов по-настоящему не развязана. Нет у них необходимой самостоятельности, по-прежнему свинцовым грузом давят инструкции, нередко противоречащие принципам реформы. Госзаказы, нормативы, да и некоторые другие нововведения на деле трансформируются в то же самое бюрократическое своеволие. В нынешнем году, например, для выполнения госзаказа и прямых договоров по поставкам металлурги республики должны произвести сверх плана более 1 млн. тонн готового проката. Госплан СССР, Министерство черной металлургии хорошо знают, что при нынешней производственной базе это просто нереально. А невыполнение заказов, естественно, поставит в тяжелое финансово-экономическое положение многие трудовые коллективы отрасли. И такие примеры не единичны».

Не единичны они и в том отношении, что касаются разных республик, отраслей. Однако эти беды предприятий, похоже, скоро все-таки прекратятся: и надоело все это, и уже отжило свой век. Во всяком случае, жалобных интонаций в выступлениях делегатов конференции почти не было слышно — был строгий критический анализ явлений, тормозящих развитие радикальной экономической реформы, звучали деловые предложения, формулировались конкретные требования.

Раздавались — и неоднократно — требования привлечь работников, не только способствующих сохранению застойных явлений, но и виновных в их разрастании в былые годы, к строгой партийной и государственной ответственности: ведь они не просто тормозили дело, но и унижали новаторов, лишали их порой куска хлеба, возможности не только творчески, но и вообще работать. Председатель агропромышленного объедине-

ния «Новомосковское» Тульской области В. А. Стародубцев задался вопросом: «Как мы накажем тех людей, которые творили злостные беззакония и погубили цвет нашей нации? Думаю, что сегодня говорить о той мести, которую они применяли когда-то к передовым людям нашей страны, нет смысла. Но сегодня надо говорить о моральной и материальной ответственности этих людей. Речь идет о том, что их должны знать все, что они когда-то попирали человеческие законы, они когда-то расправились над партийными законами. Они должны лишиться персональных пенсий, они, в конечном счете, должны отвечать».

В такой постановке вопроса есть резон, есть большая справедливость. Почему человек, совершивший явное правонарушение, должен по закону нести наказание, а чиновник, нанесший (или наносящий позже) своими действиями существенный материальный урон и тяжкую моральную травму обществу, его главному богатству — творческим людям, остается вне ответственности за свои преступные по сути деяния? Таких ушедших от партийной и государственной ответственности на пенсию либо «перешедших на другую работу» немало. Праведный гнев В. А. Стародубцева побудил его сказать с горечью, что «все-таки у нас создалась в государстве каста неприкасаемых. Речь идет о крупных партийных и государственных работниках, которые действительно под таким, что ли, стыдливым девизом — уходят на пенсию, совершив очень серьезные преступления или нарушения норм партийной жизни и советских законов. Сегодня они имеют персональные пенсии, многокомнатные квартиры и со стороны, как говорят, с усмешкой поглядывают: что же произойдет дальше. Думаю, и этому явлению надо дать оценку». Привлечение к ответственности лиц, злоупотреблявших служебным положением, доверием партии и народа, творивших произвол по отношению к людям, коллективам, наносивших ущерб экономической основе социализма — общественной собственности, попиравших принципы социальной справедливости, — дело нужное, как и широкая гласность об этих фактах. Это будет одним из деловых, практических подтверждений того, что создание правового государства у нас поставлено всерьез, что нет граждан, обладающих иммунитетом к действию советских законов, как нет в партии коммунистов, стоящих над Уставом,

на которых не распространяются требования единой партийной дисциплины.

А теперь сравним яростный пафос этого выступления с уровнем критичности и самокритичности в выступлении президента Академии наук СССР Г. И. Марчука. Да, он правильно ставил назревшие проблемы развития фундаментальной науки.

Однако некоторые позиции вызывают сомнения. Почему «независимость по всем вопросам» распространяется на научные сообщества в целом под эгидой Академии наук, но не относится к представителям разных дисциплин, которые в своем деле тоже не нуждаются в «мелочной опеке». Думается, что под «консолидацией» выступающий подразумевает централизацию, которая, по-моему, в научной деятельности играет благоприятную роль далеко не всегда, чаще служит орудием монополизма отдельных школ, а то и отдельных ученых, занявших ответственные посты. Академия наук СССР пока еще не является образцом демократии, на что неоднократно обращала внимание пресса, в частности в связи с подготовкой и проведением выборов в АН СССР в конце 1987 г. И, повторим мы фразу из цитировавшегося выше выступления, «такие примеры не единичны». Против «консолидации», сиречь централизации, можно было бы и не возражать, если бы Академия уже доказала свои качества как образцового демократического— или хотя бы просто демократического — института, а такой вывод, на мой взгляд, был бы поспешным.

Во-первых, Академия наук, согласно действующему уставу, представляет даже не всю академическую науку, а лишь своих действительных членов и членов-корреспондентов, ибо даже руководители академических институтов, если они не обладают этими званиями, бесправны и безгласны — чего уж говорить о коллективах научных учреждений: есть у них крупный академический деятель, значительный ученый и по-настоящему советский руководитель (сочетание, встречающееся не повсеместно) — тогда они чувствуют себя людьми, чего-нибудь не хватает у их начальника — и они мелкие служащие, зависящие от случайности, от милости начальника, от доброскпонности коллег. Да и вряд ли уместна «консолидация» под эгидой АН СССР прикладной и вузовской науки: у них своя специфика; координация действий нужна, но должна строиться на вполне демокра-

тических основах, где не должны иметь абсолютного приоритета ни интересы производства, ни задачи подготовки кадров специалистов, хотя значение этих интересов и задач тоже первостепенно.

Во-вторых, освободить АН от «мелочной опеки аппарата» действительно нужно, однако лишить ее деятельность всякого контроля со стороны общества и государства (не какой-то части государственного аппарата, а создаваемого в нашей стране правового социалистического государства, общенародный характер которого, мы уверены, будет выявляться все полнее) было бы неразумно, даже опрометчиво. Иначе общегосударственные задачи, общенародные цели могли бы отступить на задний план. Думается, признавая высочайший авторитет Академии наук, надо все же иметь в виду не только ее ведущее место в развитии научной деятельности, но и обратную связь с самой широкой научной средой, с научной общественностью, которая должна располагать какими-то формами реального контроля за деятельностью Академии, реальными средствами влияния на нее. Такой контроль со стороны «низов» массы ученых, научной общественности мог бы возникнуть и развиться при должном развитии, укреплении и росте влияния научных и научно-технических обществ и союзов — самодеятельных организаций, которые-то как раз и вправе быть «независимыми» в том смысле, какой имел в виду Г. И. Марчук. Наука, как он правильно заметил, по своей природе демократична, такой ей и надлежит быть.

В-третьих, еще предстоит устранить вполне материальные основы, с одной стороны, известной кастовости в жизнедеятельности этого учреждения, а с другой — рецидивы карьеризма, битвы за места и местечки, ликвидировав «пожизненную ренту» действительных членов и членов-корреспондентов. Хочется быть понятым правильно: для плодотворно работающих ученых никаких средств не жалко (в пределах тех экономических возможностей, которыми располагает государство), можно поднять оплату их труда и выше той цифры, которая получается после прибавки к зарплате «положенных» ныне сумм, но сами эти суммы надо безусловно отменить. Можно и, наверное, нужно установить деятелям академической науки повышенные (и даже очень повышенные) пенсии, но зачем же устанавливать и вы-

плачивать «пенсии» сравнительно молодым и действующим (чаще неплохо действующим) ученым? Как ни странно, такие «пенсии» никого из них не обижают, как и не обижает сравнение с положением членов академий за рубежом, где в подавляющем большинстве случаев нет «пожизненной ренты», безвозрастной «пенсии». А ведь именно наличие этого экономического рудимента мешает зачастую Академии в ее творческих функциях, невольно придает ей некоторые черты застойного аппарата. Верно Г. И. Марчук сказал, что ученые должны быть хозяевами науки, но они не должны быть рантье, а кроме того, относиться это должно не только к «высшему» (по званиям), привилегированному их слою. И правильно было бы обратить эти средства на поддержку молодых ученых — будущего советской науки, материальное положение которых оставляет, как говорится, желать лучшего.

Слова о чертах застойного аппарата можно подтвердить целым рядом выступлений печати, хотя Академия наук многие годы была «зоной вне критики», да и сейчас это во многом так и есть. Я могу судить о деятельности Секции общественных наук, которые не без ее участия зашли в настоящий тупик. И те, кто были лидерами эпохи застоя, без всякого смущения и сомнения — и без протеста безгласной научной общественности — стали лидерами перестройки. Немыслимо даже представить, что требования, аналогичные высказанным В. А. Стародубцевым, кто-либо мог предъявить к руководителям академической науки, в частности обществоведам...

Правда, косвенно Г. И. Марчук признал недемократичность (или недостаточную демократичность) в деятельности АН СССР, выдвинув абсолютно правильные и очевидные требования: «Создание нового облика советской науки я бы связал с двумя стратегическими целями. Первое — демократизация работы всех звеньев Академии наук. Второе — поиск новых форм и механизмов организации научных исследований.

Науке больше, чем любой другой сфере, необходима борьба идей, мнений, подходов. Здесь более, чем где-либо губителен монополизм. Только состязательность, конкуренция научных школ, широкое международное сотрудничество способны создать мощный внутренний импульс развития науки».

Очень правильные слова — добавить бы только что-то о материальных и организационных условиях подлинно демократической обстановки в этой сфере, о процессе демократизации, едином по содержанию с тем, что происходит в обществе, едином и по «исполнителям» этого процесса: в нем должна участвовать, его смысл должна определять вся научная общественность, а не одна лишь верхушка.

Постановка общих задач в каждой отрасли общественного труда, в каждом звене общественной жизни — хорошее дело, но еще лучше, когда задачи обретают конкретный облик, опираются на практический опыт их постановки и осуществления. Порой фактическая картина такого опыта дает больше для уяснения общих задач, чем самая тщательная отработка формулировок. Прекрасный пример такого рода дает выступление генерального директора межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» С. Н. Федорова, организовавшего внедрение хозрасчета в медицине. «Что происходит в нашем институте? — рассказывал он делегатам конференции. — Отказ от тарифной ставки привел к возможности некоторым хорошим врачам зарабатывать 600—700 рублей и, так сказать, нормально кормить своих детей, развиваться культурно и стремиться дальше работать еще лучше.

Сейчас мы производительность труда увеличили на 300 процентов, ставим задачу увеличить ее еще на процентов 100—150. Окажется, что не нужно будет готовить новых врачей, строить новые клиники. В нашем центре со временем, через лет 5, мы выйдем на уровень полумиллиона операций, а это будет половина нуждающихся в Советском Союзе людей. Работать же будет всего 400—450 врачей. Сейчас эту задачу не могут решить 5 тысяч. Такие огромные резервы». И такие, добавим, огромные творческие замыслы с такой прекрасной их реализацией — такие великолепные результаты! Подобные же прорывы, пусть и менее впечатляющие, но все более частые, — лучший показатель того, что перестройка идет вперед, а застой отступает, он будет преодолен, сброшен.

И такие примеры надежного, уверенного продвижения по пути перестройки дают не только передовые предприятия и объединения, колхозы и совхозы, но уже и целые регионы, хотя именно их делегации остро стави-

ли вопрос о трудностях, предупреждали об опасности самоуспокоенности, выражали решимость, накапливая положительный опыт, выходить на новые витки социально-экономического прогресса.

«Раздаются голоса, — сказал в своем выступлении первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Е. Е. Соколов, — что застой в экономике не только не уменьшается, а, напротив, углубляется. Иначе говоря, якобы мы движемся вспять. Хочу решительно возразить сторонникам подобных мнений. Вот лишь некоторые данные по нашей республике. За 2 года валовой общественный продукт возрос на 11,1 процента, а это — реальное богатство страны. Национальный доход возрос на 11,5 процента, среднегодовой прирост объема промышленного производства составил 6,9 процента, производительности труда — 6,4 процента. Среднегодовое производство зерна увеличилось на 31 процент, скота и птицы — на 19, молока — на 13 процентов. На рубль фонда зарплаты выпускается в республике товаров народного потребления на 2 рубля 10 копеек...»

Автору настоящей брошюры довелось побывать в нынешнем году в Белоруссии. Прилавки московских магазинов по сравнению с минскими и брестскими поражают убожеством. Но ведь коммунисты, трудящиеся Белоруссии не успокаиваются, бьются за новый подъем. «Резервы улучшения дела, — говорил Е. Е. Соколов, — связываем прежде всего с более предметной работой кадров по осуществлению радикальной экономической реформы. Этот опыт в республике накапливался с начала пятилетки, а с текущего года в условиях полного хозрасчета и самофинансирования у нас работает практически вся промышленность, весь агропромышленный комплекс, транспорт, связь, бытовое обслуживание, торговля, большинство строительных организаций. И уже сегодня видно, что самостоятельность трудовых коллективов, их заинтересованность в использовании резервов, улучшении качественных показателей возросли». Новое продвижение вперед может дать лучшее применение самых современных достижений науки и технологии, однако ассигнования на науку, обслуживающую народное хозяйство республики, недостаточны — всего 0,53% от валового общественного продукта, то есть в 3—4 раза меньше, чем в Англии, Швеции, Японии, США.

Пример активного введения новых форм хозяйство-

вания показывают и другие регионы. В частности, в Подмосковье, по словам первого секретаря Московского обкома КПСС В. К. Месяца, «уже создано свыше 2 тысяч многопрофильных кооперативов, акционерных обществ, ассоциаций, консорциумов. В текущем году ими будет произведено продукции и услуг на сумму более 100 млн. рублей, или в 5 раз больше, чем в прошлом году». По-видимому, можно надеяться, что практика подтвердит полезность этих планов.

Корень успехов партийных организаций, возглавляемых ими регионов или трудовых коллективов, хозяйственных руководителей в том, что они смело вводили те новые формы организации и стимулирования труда, которые раскрепощают инициативу людей, способствуют приведению в действие их заинтересованности в результатах труда, разумеется, не только материальной, хотя она должна быть непременно. В современном сложном производстве по-настоящему плодотворный, а следовательно, напряженный высококвалифицированный труд, всегда обладающий творческим началом, немыслим без развития личности труженика — такого развития, которое никак нельзя свести к профессиональному росту, к накоплению опыта и знаний, да и к усвоению требований нравственности. Задача всестороннего развития личности стоит перед социализмом с самого начала, она общеформационная, хотя в полном объеме будет решаться только на второй фазе нового общества.

Важно это иметь в виду, важно всегда помнить, что невозможен при социализме полноценный экономический рост без удовлетворения не только материальных, но разнообразных социально-культурных потребностей трудящихся. Создание хороших условий труда и быта, благоприятных для развития и раскрытия способностей человека, для его всестороннего развития, не какая-то благотворительная функция социалистического общества и государства, его органов, а также всех организаторов производственной и внепроизводственной жизнедеятельности, не просто следование коммунистическому идеалу, а непреложная экономическая необходимость. (Это, кстати, понимают наиболее передовые организаторы капиталистического производства.) Отставание так называемого соцкультбыта, запущенность в решении социальных, культурных, экологических проблем — не просто головотяпство, порождающее законное недовольст-

во трудящихся, населения, это исходный пункт гарантированных заминок в экономическом развитии, снижения производительности труда, застоя. Причем к тормозящим факторам принадлежат не только неблагоприятные условия труда и быта, которые можно видеть, осязать, определять количественно, но и ощущение социальной несправедливости, нарушение демократических принципов и норм в производстве и общественно-политической жизни. Разве не эти чуждые социализму явления убивали энтузиазм масс в застойный период, порождали апатию и равнодушие в решении общественных задач? Анализ застойных явлений, которые, к сожалению, не ушли тотчас в прошлое вместе с самим застойным периодом, показывает, что это так. «В нашей республике, — говорил на конференции первый секретарь ЦК КП Армении С. Г. Арутюнян, — было все, чтобы выйти в авангардные ряды в борьбе за реализацию нового курса партии. Получилось же так, что минувший после апреля 1985 г. период во многом для Армении явился продолжением застойных лет... Стремление масс, их перестроечный дух, активное неприятие застойных, негативных явлений натолкнулись на консерватизм руководства республики. Оно, как это ни горько сейчас сознавать, не только не сумело возглавить массы, но и в какой-то мере оказалось позади, утратило инициативу. Более того, превратилось в некий механизм торможения, хотя и не было недостатка в словопрениях о перестройке». Обманывать надежды людей, подрывать их творческие устремления — значит наносить тем самым огромный нравственный, а вместе с тем и экономический ущерб обществу, делу революционной перестройки.

Человек — главная сила революционных преобразований, и лучшие современные руководители ясно понимают это, не только провозглашая правильные лозунги насчет заботы о человеке, но и действуя в этом направлении настойчиво и последовательно. Они опираются при этом на экономическую реальность, не стесняются переводить прекрасные идеалы на язык сухих цифр. О высокой экономической отдаче «вложений в человека» убедительно говорили (под своим профессиональным углом зрения) министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов и председатель Государственного комитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодин. Весьма полезно в этом плане, думается, еще раз проследить ход мыс-

лей С. Н. Федорова в его выступлении на конференции: «Мы подсчитали, — говорил он, — что каждый рубль, вложенный в заработную плату врача, дает мне как администратору, как представителю государства 3,5 рубля. Оказывается, главная инвестиция должна идти не в расширение производства, а в человека. Наконец-то мы должны поверить в своего человека, перестать говорить о человеческом факторе, а говорить о человеческой личности, о развитии, о гармоничном развитии этой личности. Ведь это главная цель революции и социализма». И особенно впечатляюща концовка его выступления: «Я считаю, что мы должны ориентироваться на человека. Мало мы здесь слышали в докладах о человеке, почему секретари обкомов не выступают, сколько людей у них стало в области за 5 лет счастливыми. Меня не волнует, что там на 16 процентов коровы стали доиться лучше. Меня интересует — сколько людей стали жить лучше, стали более счастливыми. Главная оценка нашей системы управления — уровень счастья людей». Замечательная мысль! И ее не портит даже полемическое пренебрежение цифрами увеличения надоев, хотя молоко-то ведь тоже «работает» на счастье людей, и сам С. Н. Федоров со своим коллективом думает не просто об ощущении счастья, а о путях повышения производительности труда, о лучшей организации работы в своем центре, о более высокой эффективности. Важно, конечно, чтобы и все другие руководители понимали, ради чего они добиваются высоких показателей, и как эти показатели приумножить. Не могу не напомнить: главная сила прогресса у нас — свободный труд и свободная мысль в свободной стране.

Демократизация всей общественной жизни, базирующаяся на высвобождении, использовании и согласовании интересов всех слоев и групп общества, в предпринятой по инициативе партии реформе политической системы получает устойчивость, возможности дальнейшего беспрепятственного развития. А это значит, что неуклонно будут улучшаться условия повышения всесторонней социальной активности советских людей, будет наращиваться и использоваться все более эффективно главное историческое преимущество социализма — творческая энергия людей труда. В этом — главная гарантия успеха перестройки.

ДИСКУССИЯ КАК ПУТЬ К КОНСОЛИДАЦИИ

Было время, когда высшим достоинством жизнедеятельности социалистического общества полагалось единодействие и единомыслие. К счастью, такое понимание социализма, усиленно и насильственно насаждавшееся десятилетиями после смерти В. И. Ленина, отвергнуто не только логикой жизни, но и политическими силами, возглавляющими и направляющими общественное развитие — Коммунистической партией и Советским государством. Революционная перестройка всех сфер советского общества, обновление социализма происходят на основе возрождения ленинизма применительно к современной реальности.

Не может быть монолитного, однонаправленного, равномерного развития ни в природе, ни в обществе хотя бы потому, что нет и не может быть никакого другого источника развития, кроме постоянного возникновения, взаимодействия (борьбы) и разрешения все новых и новых противоречий на базе разрешения противоречий, характерных для предшествующих состояний общества. Социализм не представляет собой ни статичного состояния, ни общества, бесконфликтно перерастающего, «переваливающегося» с одной ступени прогресса на другую. Пора перестать отождествлять слово «противоречие» с чем-то уродливым, порочащим социализм. Надо к реальностям социализма подходить с точки зрения материалистической диалектики. И В. И. Ленин напоминал об этом, когда писал, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»[1]. Так и произошло. С победой социализма, с ликвидацией эксплуататорских классов социально-экономическая почва антагонизмов устранена, однако живые противоречия из живой действительности убрать нельзя, нельзя поставить социализм, так сказать, вне диалектики.

Даже если мы попытаемся представить вполне социально однородное общество — а до этого еще очень и очень далеко, даже по общеисторическим меркам, мы обязаны учесть при этом, что возрастет разнообразие в жизни общества в других отношениях: богаче станет духовная культура, ибо постоянная борьба за всесторон-

---

[1] Ленинский сборник XI. — С. 357.

нее развитие личности скажется растущим многообразием интересов, взглядов, идей, интеллектуальных, эстетических, национальных особенностей. Да оно уже и теперь достаточно велико, это многообразие, как выяснилось с началом революционной перестройки, когда, начиная с апреля 1985 года, в экономической, социальной, политической и духовной жизни нашего общества шаг за шагом сбрасывались путы догматического представления о социализме, унылого единообразия, насаждаемого административно-командными методами.

Возьмем, к примеру, экономику. Радикальную экономическую реформу порой сравнивают с нэпом, и находятся горячие публицистические головы, которые отыскивают, вопреки научному историзму, черты сходства нашего времени с давно ушедшим прошлым в деталях, давая повод думать, будто бы у нас верх берет частник. Но не найти такого сходства, не совершая насилия над логикой! Сходство же есть, и более глубокое, более общее, чем думают конъюнктурные певцы перестройки,— в том, что, как и при нэпе, целенаправленно создаются благоприятные условия для проявления всей суммы существующих в обществе интересов, многие из которых были утеснены, придавлены, извращены, из чего и происходило торможение общественного развития, возникал застой. Но это сходство — в коренном, а во всех почти частностях — разительная разница, ибо полностью изменились носители интересов: общество в целом — экономически и политически, его классы, слои и группы, в корне преобразована вся система общественных отношений, изменились и люди по своему социальному и духовному облику. Демократизация экономической жизни социализма — так, наверное, можно назвать современное положение в этой сфере, точнее, современную тенденцию развития социализма. Но как бы мы ни назвали, суть в этом. И осуществляемая в стране радикальная экономическая реформа эту тенденцию выражает все лучше и полнее. Интересы вырвались на свободу, начинают работать на ускорение, во многом сталкиваются, подчас противостоят главной тенденции. И дело государственного, хозяйственного, да и политического управления состоит в том, чтобы лучше скоординировать (а подчас и скорректировать) все эти интересы, из суммы которых и вырастают реальные, а не умозрительно сочиненные общенародные интересы. Это трудная, но вы-

полнимая задача. Важно, чтобы согласование всех законных интересов (то есть не носящих явно антиобщественного, антисоциалистического характера) было возможно более демократичным. Следовательно, здесь неизбежны элементы состязательности, даже конкурентности; необходимость же сознательного управления процессами социально-экономического развития делает закономерным методом выяснения содержания и отыскания путей разрешения противоречий дискуссию — научную и общественную.

Необходимость дискуссий не формально-демократическое требование, оно обусловлено тем, что общественная история существует в единственном варианте — осуществленном — лишь тогда, когда мы глядим в прошлое; в настоящем же существует выбор из множества возможностей — и в этом состоит значение политики. вялой или активной, косной или динамичной, инертной и догматичной или основанной на знании реальности и умелом применении этого знания. Хорошо выразил это на конференции академик Л. И. Абалкин: «Надо ясно понимать, что высказывание различных подходов и вариантных решений — это не отражение существования различных политических оппозиций. Это отражение той закономерности общественного развития, в соответствии с которой оно в принципе многовариантно. Развитие всегда многовариантно, всегда есть возможность выбора решений». Выбор же всегда означает опору на силы, способные реализовать его, следовательно, означает предпочтение той или иной комбинации интересов с определенными приоритетами.

Признание правомерным разнообразия интересов всех социальных, профессиональных, национальных, социально-демографических групп и слоев в сфере общественно-политической оборачивается признанием демократизма коренной особенностью общественной жизни. И дело здесь не только в том, что мы наконец-то вспомнили о вполне ясных и категоричных указаниях В. И. Ленина на сей счет, вроде такого: «Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осу-

ществления полностью демократии»[2]. Дело в том, что того требует жизнь: выход из застоя, из предкризисного состояния, переход к ускорению прогресса возможен, как указала партия, только на путях демократизации.

Демократизация составляет суть перестройки. Демократизация общественно-политической жизни и общественного сознания, расширение гласности выявили огромное разнообразие мнений, позиций, точек зрения. Дискуссия стала формой развития общественного сознания, формой творческого поиска во всех сферах жизнедеятельности общества. Разумеется, это невозможно без издержек, без проявления ошибочных взглядов, предубеждений, без попыток вести дискуссию нецивилизованными методами, с попытками превратить ее в подавление оппонентов любыми средствами. Что ж поделаешь, это неизбежно, поскольку опыта и традиций демократической культуры у нас недостаточно, нам надо учиться жить и работать в условиях быстро развивающейся демократии, учиться демократии.

Великим уроком демократической дискуссии, синтезирующим творческую мысль миллионов, явилась XIX Всесоюзная партконференция и та небывалая активизация общественного мнения, которая ей предшествовала и сопутствовала в ходе ее работы, сохранилась после нее и после июльского Пленума ЦК КПСС, закрепившего результаты дискуссии практическими решениями. В докладе на этом Пленуме М. С. Горбачев, подводя итоги конференции, с полным основанием отметил, что «крупнейшим вкладом в перестройку стала сама ее атмосфера: раскованность, дискуссионность, принципиальность, требовательность, открытое обсуждение назревших проблем».

Свободное выражение точек зрения и интересов, согласование их в результате дискуссии, критического и самокритичного анализа положения дел в обществе, новых шагов в его развитии, действия всех общественных сил особенно важны потому, что складывающиеся в результате общие оценки и выводы становятся идейным стержнем дальнейшей деятельности масс, побуждают к инициативе, обязывают людей к личному вкладу в общее дело. «Мы будем неизбежно делать ошибки, — предупреждал В. И. Ленин о сложностях строительства

---

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 128.

нового общества, — но на каждой ошибке теперь будут учиться не группы студентов, теоретически изучающих какой-нибудь курс государственного управления, а миллионы трудящихся, которые на себе будут чувствовать последствия каждой ошибки, сами будут видеть, что перед ними стоят неотложные задачи учета и распределения продуктов, поднятия производительности труда, и которые на опыте видят, что власть в их руках, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами»[3].

Великая заслуга конференции состоит в том, что, утверждая метод дискуссий, социалистический плюрализм мнений, обеспеченный процессом демократизации и утверждением правового социалистического государства, она всесторонне проанализировала как достоинства, так и издержки небывало расширившейся гласности, демократичности в сфере общественного сознания. Демократией и гласностью пользуются не только партия, не только честные труженики, но и люди и даже группы, пытающиеся узаконить, а затем и обеспечить личные амбиции, своекорыстные интересы, противостоящие прямо или косвенно задачам перестройки, сплочению общества вокруг целей обновления социализма. В резолюции «О гласности» конференция отметила: «Не изжиты случаи, когда гласность используется в интересах личных и групповых амбиций, что разрушает нормальные связи взаимного общения и товарищеской требовательности между людьми. Не всегда проводится в жизнь неотъемлемый принцип подлинной гласности, заключающийся в том, что свобода выражения мнений должна служить делу возвышения личности и ограждению ее достоинства, а не унижению ее посредством наветов и оскорбительных ярлыков».

Гласность, свобода дискуссий обнаружили, что есть, пусть и не в большом количестве, лица, желающие затормозить или подорвать дело демократизации и перестройки, опорочить ее идейно-политическую линию. Крайним выражением подобной тенденции являются истерические вылазки экстремистов, антисоветчиков, скажем, вроде скандального «Демократического союза» в Москве, пытающегося привлечь к себе внимание (в основном западной прессы) нарушением общественного порядка. Более «благопристойную» оппозицию представ-

---

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 452.

ляют приверженцы старого мышления и старого (периода культа личности) порядка, отождествляющие с принципами социализма его догматическое понимание и пытающиеся оправдать ошибки, деформации (а вместе с тем фактически и преступления) прошлого ссылками на величие Сталина. Таков был смысл, например, уже упоминавшегося письма Н. Андреевой, публикацией которого «Советская Россия» озадачила и удивила всех читателей, а иных и вовсе напугала. Да и было чему напугаться: еще немалое число людей не отошло от стереотипов прошлых времен, и появление статьи «Не могу поступиться принципами» прозвучало для них (а также для испуганной этой статьей части читателей) как сигнал к реваншу.

Так что само по себе высказывание, мягко говоря, нетрадиционных взглядов вплоть до ошибочных не страшно: опасными они становятся тогда, когда имеют шанс, если использовать физический термин, попасть в резонанс с какими-либо массовыми настроениями, эмоциями или предрассудками. Люди, отдававшие все свои силы, не щадившие собственной крови для блага страны, для дела социализма, не всегда могут отбросить старые оценки той истории, в которой они сами участвовали. Для их восприятия труден тот факт, что не все в этой истории было праведно, не все привычные оценки правдивы: И. В. Сталин — не «отец народов», а его окружение —не когорта ленинцев; «враги народа», с которых когда-то «срывались маски», после тщательного разбора оказывались честными людьми, преданными партийцами, оклеветанными и лишенными без вины жизни и честного имени. Отголоски старых оценок и настроений прорываются и в наши дни — в печати публикуются письма, выражающие подобные мнения. Заниматься и далее переоценкой истории, восстановлением правды, более глубоким осмыслением и разъяснением того, что было, придется и дальше.

Но не только историческое сознание может служить почвой для попыток оживления и распространения идей, враждебных перестройке. Неоднозначно, например, национальное сознание, на почве которого возможно, как показал опыт событий в Алма-Ате, Нагорном Карабахе и некоторых других местностях, распространение явных заблуждений — оценок скопившихся за годы застоя нерешенных проблем как якобы проявления национальной

несправедливости. Искусственное разжигание националистических проявлений — это инструмент в руках коррумпированных группировок, стремящихся уйти от ответственности за насаждаемые в прежние годы безобразия, пытающихся сорвать перестройку. Громадные экономические и нравственные потери общества, вызванные забастовками в Нагорном Карабахе и Армении, трагические события в Сумгаите напомнили о том, что национализм не сошел со сцены, опасен, что им охотно прикрываются противники перестройки и просто антиобщественные элементы, прокламирующие свои действия как «защиту» национальных интересов. Хотя от подлинно национальных интересов их своекорыстные устремления так же далеки, как и от интересов укрепления и обновления социализма в нашем многонациональном государстве.

Надо ли, видя такие издержки демократии и гласности, свертывать дискуссии, впадать в панику и расписывать ужасы надвигающегося засилья экстремистов, как это получилось в выступлении на конференции известного писателя Ю. В. Бондарева? В оценке хода перестройки он без оговорок присоединился к оценке, высказанной неким молодым механизатором: «...тот, кто был дураком, стал умным — лозунгами кричит; тот, кто был умным, вроде стал дурак дураком — замолчал, газет боится». Парень, видно, попался ему язвительный, из тех, «кто ради красного словца не пожалеет и родного отца», но ведь такие выводы следует делать, как выражаются социологи, на более репрезентативном материале. Большинство трудящихся, как показывает хотя бы редакционная почта средств массовой информации, а еще больше — результаты работы, иначе подходят к перестройке, участвуют в ней делом, борьбой и не считают себя дураками. Да и цели перестройки видят, пожалуй, лучше, чем сам Ю. В. Бондарев, прибегнувший к такому образу, пусть даже в виде вопроса: «Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?» Конечно, в ходе революционной перестройки обнаруживается и еще обнаружится много нового, неожиданного, путь обновления социализма содержит неизбежно немало неизведанного, но страшиться этого заранее не стоит. Надо быть готовым к этому и следовать своим путем к ясно очерчен-

ным целям, постоянно сверяя свои действия с практическим опытом, внося при необходимости поправки в них. Предупреждать против излишних издержек и крайностей надо, однако именно сложность задач и реальностей перестройки требуют не допускать перехлеста эмоций. Перевес эмоций над разумом всегда опасен, даже если он окрашен какими-то «благородными» мотивами, а может быть, как раз этим и опасен, ибо может ввести в заблуждение, обмануть немалое количество людей.

Наиболее яркий пример, когда эмоции, окрашенные борьбой за социальную справедливость, используются против перестройки, дает общественная полемика вокруг вопроса о привилегиях партийного аппарата и партийных руководителей. Остановимся на нем несколько подробнее, поскольку он приобрел чрезмерную «популярность» и поскольку ход и мотивы этой полемики особенно поучительны.

Здесь много искусственного, придуманного. Даже само наличие столовой, или поликлиники, или дома отдыха для партийного аппарата выставляется как факт незаслуженных привилегий, а ведь речь идет и здесь о трудовом коллективе, который должен где-то обедать, лечиться, отдыхать. «Речь идет, — сказал В. В. Бакатин, — о каких-то «фантастических привилегиях», которые якобы имеют партийные работники. Надо быть откровенным и признать, что это мнение, не без чьей-то помощи укоренившееся в обыденном сознании, очень непросто преодолеть. Надо принять решение Центрального Комитета по этому вопросу: определить, что кому положено, начиная от члена Политбюро и кончая инструктором райкома. И хотя это наше чисто внутрипартийное дело, обнародовать это решение. Возможно, что примеру партии последуют и советские, и профсоюзные, и иные органы, и можно быть уверенным, что раздуваемые слухи о придуманной социальной несправедливости прекратятся». Он же привел такой факт, опровергающий домыслы о «сладкой жизни» партийных работников: очень трудно где-нибудь «в Междуреченске или Киселевске подобрать инструктора горкома с опытом партийной работы на шахте на оклад 200—220 рублей из ведущей для Кузбасса отрасли — угольной, где горный мастер или начальник участка получают от 500 до 800 рублей». Надо добавить к этому, что работа у партий-

ного работника ненормированная, о двух выходных и речи нет, порой и воскресенье приходится «прихватывать».

Конечно, поводы для разговоров о незаслуженных благах были (кое-где и сейчас существуют). Это — злоупотребления служебным положением, которых было немало в застойный период и которые допускали бывшие руководители, включая самых «верхних» (например, Л. И. Брежнев, Д. А. Кунаев, Ш. Р. Рашидов). Однако нельзя подобные злоупотребления ставить на одну доску с необходимым социально-материальным обеспечением, — а именно эту принципиальную разницу затушевывает слово «привилегии». Тем самым справедливый гнев против злоупотреблений переключается вообще против партии.

Для чего это делается? Для того, во-первых, чтобы подорвать авторитет партии, возглавившей перестройку, для того, во-вторых, чтобы отвлечь внимание от огромной массы не вскрытых еще злоупотреблений. Представители различных коррумпированных групп, дельцы «теневой экономики» страшатся за свои преступно нажитые и наживаемые состояния, пытаются подорвать перестройку, отвлечь внимание от своих махинаций, от налаженных подпольных «систем» обогащения, вызвать недоверие к партии и ее работникам. В газетах порой публикуются сообщения о результатах рейдов по «подсобкам» магазинов и предприятий общепита, где обнаруживаются тонны дефицитных продуктов: таких «запасов» в одном магазине явно хватило бы на год работы так называемого «спецбуфета». В Москве, например, так было в большинстве из проверенных магазинов. Насколько еще до сих пор искажено в общественном мнении реальное положение дел, можно судить по тому факту, что раздраженные, но весьма общие высказывания о «привилегиях» партработников и теперь звучат часто, причем и от честных людей, не имеющих тайных целей, а слово «блат» в общественных дискуссиях почти не упоминается. Сумели-таки производители слухов отвлечь внимание от дельцов «теневой экономики», перенести раздражение и гнев людей туда, куда им хотелось...

Беспокоит не только распространение неправильных взглядов и оценок, клеветы в адрес партийных органов. Опасно то, что совершаются акции, призванные

фактически подкреплять слухи, домыслы, нездоровые настроения. На июльском Пленуме ЦК М. С. Горбачев сказал: «Многое и очень многое, товарищи, мы можем и должны сделать немедленно, объявив решительную борьбу нездоровым явлениям и процессам, которые уж слишком глубоко здесь (имеются в виду торговля и общепит. — *В. М.*) укоренились. Речь идет, например, о недопущении перебоев в торговле теми товарами, которых в стране достаточно. Получая информацию о том, что постоянно то тут, то там исчезают из торговли соль, сахар, мука и многое такое, что имеется в достатке, невольно приходишь к мысли, что кое-кто заинтересован в сохранении дефицита или уж, по крайней мере, полностью лишен чувства ответственности перед людьми. Надо поставить все эти вопросы под контроль партийных и советских органов, под контроль трудящихся». Нельзя допускать, чтобы ответственность за чью-то бесхозяйственность, тем более за тайные делишки перекладывалась только на партийные и советские органы.

В связи со всем этим нельзя не остановиться на том, что можно было бы назвать «феноменом Ельцина». Нынешний его авторитет (он есть, приходилось сталкиваться с весьма частым мнением о Ельцине как «народном заступнике», как якобы «лидере перестройки») в значительной мере держится на его выступлениях против привилегий партаппарата. На конференции, где выступал первый заместитель председателя Госстроя СССР — министр СССР Б. Н. Ельцин, это выглядело так: «Вопросы социальной справедливости. Конечно, по-крупному, на социалистических принципах, они у нас решены. Но остались некоторые вопросы, которые не решаются, вызывают возмущение людей, снижают авторитет партии, пагубно действуют и на темпы перестройки.

Мое мнение, должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения [4]. А разный вклад труда в общество регулировать

---

[4] Б. Н. Ельцин умалчивает, что это просто невозможно, дает общую, абстрактную формулу, привлекательную для многих сторонников мелкобуржуазной уравнительности. Если в обществе не хватает тех или иных продуктов, значит ли это, что из успешно работающей Белгородской области их надо перераспределить в соседнюю Курскую, из Эстонской ССР — в Псковскую область? Что горняков и водолазов надо обеспечивать абсолютно так же, как водителей персональной машины министра? И т. д.

разной зарплатой. Надо, наконец, ликвидировать «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры» (сказано после того, как было принято соответствующее решение, о чем Б. Н. Ельцин как член ЦК не мог не знать. — *В. М.*), исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов».

Надо сказать, что реальная почва для популярности Б. Н. Ельцина как борца с привилегиями, есть. Летом 1986 г. в газете «Московская правда» (я был тогда ее редактором) было помещено официальное сообщение, что на бюро Московского горкома партии принято решение закрыть спецмагазин. Поскольку сообщение было официальным, я не мог его ни дополнить, ни комментировать. На самом деле никакого «спецмагазина» и не было: была и есть сотая секция ГУМа, предназначенная для обслуживания иностранных гостей. Были, правда, лица, пользовавшиеся ею незаконно, но, видимо, это были единицы: даже я, редактор главной газеты города, узнал об этой «привилегии» только в момент ее «отмены». Эта мера затронула лишь немногих отдельных лиц, однако принесла Б. Н. Ельцину политические дивиденды, и можно только восхищаться эффективностью подобной акции: дела-то было сделано, как говорится, на копейку. Больше никаких шагов в этом направлении Б. Н. Ельцин, насколько мне известно, не предпринимал. Правда, можно отметить, что толчок для борьбы со злоупотреблениями (не путать с «привилегиями») этот шаг дал.

Возглавив Московскую городскую партийную организацию, Б. Н. Ельцин породил у москвичей огромные надежды. И первые шаги, о которых он объявил, вызвали не менее огромный резонанс в стране. С его именем связывались сдвиги на целых шести направлениях жизни столицы, решение о преодолении запущенности которых было принято Политбюро ЦК КПСС. С его именем связывалось прекращение приемки домов с недоделками, хотя работа эта была начата еще до его прихода и проводилась центральными органами народного контроля. Конечно, под его руководством в партийной организации столицы, в некоторых сферах жизни Москвы было сделано (или, во всяком случае, начато) немало хорошего, например в развитии социальной сферы предприя-

тий. Но, во-первых, прекрасные начинания берут истоки в апрельском повороте партии 1985 г., во-вторых, многие декларации не были подкреплены делом, и в конечном итоге минусы возобладали над плюсами.

Наиболее явный пример — овощная проблема. В 1986 г. повсеместно в Москве были организованы осенние ярмарки. Со всех концов страны в столицу шли поезда, автомобили-рефрижераторы. Можно было дешево и без большой очереди купить картофель, овощи, фрукты. Но отшумели ярмарки, и оказалось, что этими продуктами москвичей надо обеспечивать не два месяца в году, а круглый год. Затраты на эту кампанию были колоссальными, снабжение же москвичей оказалось на прежнем уровне, и уже летом 1987 г. ЦК КПСС и правительству пришлось принимать постановление о недостатках в этом деле — по Москве и Ленинграду. Не решена была (как не решена и теперь) ни одна проблема: по-прежнему гниют и списываются сотни тысяч тонн доставленной в Москву продукции, по-прежнему допускаются под прикрытием списывания и «пересортицы» злоупотребления, до сих пор на овощные базы идут перебирать гниль оторванные от станков и конструкторских кульманов «привлеченные».

Не добившись решения сложных проблем столицы, Б. Н. Ельцин попросил на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отставку.

На XIX Всесоюзной партконференции первый секретарь Пролетарского райкома партии Москвы И. С. Лукин, обращаясь к Б. Н. Ельцину, говорил: «...и в хозяйственной жизни города мы все еще расхлебываем ваше стремление прославиться яркими обещаниями перед москвичами. Но главное в Вашем стиле — это стремление понравиться массе». Если стремление понравиться массе Б. Н. Ельцин не мог подкрепить деловым результатом, у него был «запасный выход»: он сваливал вину на кого-нибудь из нижестоящих работников. «Козлов отпущения» выбирал десятками, что, конечно, производило впечатление на людей: мол, избавляется от негодных работников. А избавлялся и от честных, способных, опытных работников, если они смели высказывать самостоятельное мнение: возражений Б. Н. Ельцин не терпел. На конференции приводился факт, когда до самоубийства был фактически доведен бывший первый секретарь Киевского райкома партии столицы, причем, как свиде-

тельствовал на пленуме МГК КПСС, освобождавшем Б. Н. Ельцина от работы, бывший заведующий отделом оргпартработы горкома, повод для расправы был придуман Ельциным, введшим в заблуждение бюро горкома. Не знавшие сути дела люди не могли оценить такие факты по достоинству.

Об этом говорит, в частности, очень эмоциональное выступление на конференции секретаря парткома машиностроительного завода имени Калинина (г. Свердловск) В. А. Волкова, пытавшегося взять под защиту бывшего первого секретаря Свердловского обкома. «Да, — признавал В. А. Волков, — Ельцин очень трудный человек, у него тяжелый характер; он жесткий человек, может быть, даже жестокий». Но «и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей».

Вот это-то и опасно, что авторитетом пользуется человек жестокий. Люди, если только они не близкие родственники, вовсе не обязаны терпеть чей бы то ни было тяжелый характер. А партийный работник, тем более руководитель большого масштаба, просто не имеет на это права, точнее, не может быть руководителем.

На конференции Б. Н. Ельцин потребовал своей «политической реабилитации», заявив, что «это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям». К сожалению, на суть этого требования не было обращено должного внимания. В самом деле, что значит «политическая реабилитация»? Б. Н. Ельцин не был осужден. Ему даже выговора не вынесли. А ошибочность выступления на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, единодушно осужденного участниками Пленума, была признана и самим Ельциным.

Много слухов ходило об этом (в октябре 1987 г.) его выступлении. А теперь оно опубликовано: Б. Н. Ельцин, по свидетельству первого секретаря Татарского обкома партии Г. И. Усманова, «полностью вмонтировал его в сегодняшнее свое выступление», то есть обнародовал на конференции. Это признал и сам Б. Н. Ельцин.

Новыми в выступлении на конференции были разве что «некоторые предложения по выборам: они должны быть общими, прямыми и тайными, в том числе секретарей, Генерального секретаря ЦК, снизу доверху из состава бюро в областях или Политбюро, тоже выбранных всеми коммунистами таким же путем (как бы де-

лать два тура выборов). Это должно касаться и Верховного Совета, профсоюза и комсомола». Если вникнуть в суть этого «демократического предложения», то не трудно увидеть, что здесь обосновывается механизм личной власти: избранный помимо партийного комитета лидер уже не может быть смещен коллегиальным органом, ибо самими выборными процедурами поставлен над ним. В Советах это предложение означает президентскую систему, которая противоречит самой сути Советской власти. Единоначалие уместно и необходимо на предприятии, в хозяйственном органе, — пусть там «общие, прямые и тайные» выборы и проводятся. В партии же и общественных организациях проведение в жизнь подобного предложения означало бы опасную угрозу демократии.

Такие явления современной общественной дискуссии, как «феномен Ельцина», показывают, что еще сильны и распространены надежды немалого числа людей на героя, который придет, все решит, все сделает за них. Эти настроения можно было бы назвать сохраняющимися элементами той почвы, на которой когда-то держался культ личности. Все эти явления требуют дополнительного анализа, а затем — вдумчивой, настойчивой, разъяснительной работы.

Издержки дискуссий ни в коем случае не дают оснований для того, чтобы брать под сомнение гласность, демократизацию в сфере общественного сознания, хотя иным, может быть, и хотелось бы этого. На июльском (1988 г.) Пленуме М. С. Горбачев отметил, что «раздаются голоса, что у нас слишком много дискуссий. Скажу однозначно: нам нужны дискуссии, серьезные, творческие обсуждения всех назревших проблем. Только так и может формироваться активное общественное мнение, сознание народа, без чего немыслимо решение великих задач по преобразованию общества». Выводы делегатов конференции о деловой направленности, демократичности дискуссий, о необходимости товарищеского тона, об обеспечении консолидации всех общественных сил вокруг целей перестройки можно назвать серьезным уроком социалистического демократизма.

Опасность демагогических, в том числе конъюнктурных, искажений в ходе дискуссий, конечно же, была замечена. Председатель Советского комитета защиты мира Г. А. Боровик сказал так: «Гласность помогает нам

извлекать уроки из собственной истории, в том числе из истории нашей пропаганды. Я имею в виду склонность ее к истерии. Истерически хвалили кукурузу, так же истерически ее потом ругали. Истерически хулили архитектурные излишества, потом столь же энергично критиковали безликие дома. Либо истерически хвалим, либо истерически ругаем.

А давайте попробуем спокойно разобраться: где у нас в истории тяжкая трагедия народа, где его великий героизм, а где просто фарс? И извлечем уроки. Мне кажется, истерия и ненависть противопоказаны перестройке, это не ее душевное состояние, не ее эмоции. Ей противопоказаны еще и некомпетентность, глупость, а также слепая вера.

Есть еще одна трудность: у нас многие люди умеют очень быстро приспосабливаться к любым изменениям и очень часто самозванно объявляют себя авторами, горячими сторонниками, бойцами перестройки. У нас есть такие самозванные застрельщики перестройки. И слева, и справа. Действия таких застрельщиков иногда заставляют меня думать о буквальном корне этого слова: застрельщик перестройки. Нам не нужны демагоги, нам нужны истинные застрельщики и истинные застройщики».

Вызывают опасение попытки возрождения старого тона в дискуссиях — поиска врагов, а затем их «искоренения». Мы все читаем современную публицистику и знаем немало примеров такого рода — яркой, остроумной и, надо сказать, очень злобной экзекуции своих оппонентов. Бывает подобная «дискуссия» и в науке, и, пожалуй, в любой другой общественной среде. Неуместно это в наше время, не приносит пользы перестройке. «Мы никак не можем изменить свою психологию и понять, что обсуждение, и даже острое,—это наше оружие против консерватизма и примитивного единомыслия, — подчеркнул на конференции ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова А. А. Логунов. — Все это свидетельствует о том, насколько живучи в нас стереотипы прошлого. Нам надо преодолеть примитивизм в мышлении. Центральному Комитету, Политбюро нужно внимательно смотреть за ходом всех процессов в обществе. Очень у нас велико желание кого-нибудь бить. Стоит только невзначай подтолкнуть этот процесс, и мы будем бить антиперестроеч-

ников, которых мы, наверное, найдем, так, как мы раньше били космополитов, и так далее. А чем это кончается, мы все хорошо знаем». На ту же опасность указал первый секретарь правления Союза писателей СССР писатель В. В. Карпов, который, попытавшись разобраться в этом явлении, выяснил, что «движущей силой здесь являются групповые страсти, старые обиды, и я бы даже сказал, наш, уже при Советской власти возникший пережиток. Многие критические статьи пишутся с прицелом на «уничтожение», их авторы думают, что такой стиль создает им репутацию активного перестройщика... И если можно понять носителя этого порока, — он так воспитан, такое у него нутро, — то никак нельзя понять редакции, которые соглашаются печатать такие рецидивы трижды проклятого уже нашего собственного пережитка».

Самое главное в том, что осознаны и цели, и методы, и необходимые правила дискуссий, которые порождены демократизацией общественной жизни и ей способствуют. Но способствуют именно тогда, когда сами они идут в русле демократизации, когда носят деловой, творческий характер и не нарушают, а развивают атмосферу социалистического товарищества, которая составляет одно из главных условий успеха перестройки. Демократизация общественной жизни выявляет многообразие мнений и интересов. И задача состоит не в том, чтобы в ходе дискуссий получить какое-то новое единообразие, а в том, чтобы добиться единства, консолидации общественных сил, не утрачивая богатства и разнообразия советского общества.

ВРЕМЯ КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ

Благотворность дискуссий, активизация общественного мнения на основе гласности и демократизации не вызывают сомнения, в обществе сложилась здоровая идейно-нравственная атмосфера. Однако важно не довольствоваться этим фактом, не дать разбуженной энергии масс растратиться в обсуждениях, не переходящих в практические действия. Наступило, как подчеркнул июльский Пленум ЦК КПСС, время конкретных дел, и любое промедление в осуществлении назревших задач может обернуться затуханием массовой инициативы, усилением явлений инерции и застоя.

XIX Всесоюзная партконференция, как отмечалось на Пленуме, вывела нас на новые оценки проблем и задач нашего движения по пути обновления социализма. Сейчас уже явно недостаточно воспевать перестройку и обновление, обличать силы торможения и призывать отстаивать одно, ломать другое: надо осуществлять это в жизни, а именно — в ходе повседневной производственной, организационной и воспитательной работы.

Так, например, требуемый рывок вперед в деле удовлетворения повседневных потребностей населения и на конференции, и на Пленуме справедливо расценивался как задача принципиальнейшего политического значения. Нам необходимо точнее определить силы и механизмы торможения, сдерживающие рост производства продовольствия, препятствующие лучшему обеспечению людей. Но все же в первую очередь следует помнить, о торможенчи чего идет речь, то есть иметь в виду главное: рост производительности труда, наращивание конечных результатов в производстве продовольствия и товаров народного потребления, бесперебойную работу систем торговли, услуг, обеспечения социально-культурных потребностей людей. Борьба против бесхозяйственности, расхлябанности, бюрократизма и злоупотреблений не должна снижать своего накала, однако важно, чтобы результатом этой борьбы были не только наказания и кадровые перемещения, а непременно заметное улучшение дела.

На июльском Пленуме был назван конкретный путь к улучшению продовольственного снабжения — борьба с потерями, за полную сохранность и высококачественную переработку урожая и продукции ферм, которая сулит в самое ближайшее время прибавку продовольственных ресурсов на 15—20%. Вскрывая истоки и пути этих огромных потерь, борясь с бесхозяйственностью и злоупотреблениями, в первую очередь надо отыскать и реализовать условия их предотвращения, а по возможности и полного исключения. Наряду с развитием материально-технической базы соответствующих отраслей агропрома это, конечно, перестройка их хозяйственного механизма, создание таких экономических условий, при которых коллективы и работники этих отраслей были бы кровно заинтересованы в недопущении потерь, в доведении до потребителя продукции в возможно более полном объеме и возможно лучшего качества. Опыт осу-

ществления радикальной экономической реформы, появление и распространение новых форм организации и стимулирования труда в других отраслях свидетельствуют: это путь верный.

Там, где на этом пути воздвигаются рогатки прежнего бюрократического командования производством и где просто боятся вступить на этот путь, конечные результаты работы, мягко говоря, оставляют желать лучшего. На Пленуме приводились конкретные факты результатов такой работы, которую правильнее называть не работой, а инертной, рутинной привычкой влачить служебную лямку, не занимаясь проблемами улучшения экономики, более того — нанося государству громадный ущерб, омертвляя десятки миллиардов, вложенных в сельское хозяйство. «Очень низка отдача капиталовложений в сельское хозяйство Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении. А в Псковской и Новгородской областях при росте фондообеспеченности за 17 лет в 3—4 раза производство валовой продукции упало на 12—25%. И дело тут не только в неблагоприятных условиях Нечерноземья, где исторически сложились немалые трудности. Возьмем такие области, как Кировоградская, Черниговская, Винницкая. Здесь при увеличении фондов в 2—2,5 раза производство валовой продукции, по сути дела, не росло. Более того, в этих областях снизились валовые сборы сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля, незначительно выросло производство мяса и молока». А корень зла в том, что не используются эффективные формы реализации социалистической собственности, организации и стимулирования труда. Или, иначе говоря, главную производительную силу общества — человеческий фактор — оставляют в дремлющем состоянии, не используют решающий двигатель экономического роста.

Такие же сдерживающие, тормозящие условия далеко еще не преодолены и в других отраслях народного хозяйства. Пленум ЦК наметил четкую программу действий по дальнейшему углублению радикальной экономической реформы, признав первоочередными следующие задачи:

поставить преграду любым попыткам вернуть хозяйственный механизм в старое русло (одну из таких попыток представляла абсолютизация госзаказа, удушающая инициативу предприятий);

закончить формирование нового экономического механизма, сделав упор на оздоровление финансов;

осуществить перестройку организационной структуры управления экономикой, определив в ней новую роль министерств, преодолев засилье бюрократически-приказных методов;

наладить новую систему взаимоотношений между предприятиями и Советами, придав жизненность территориальному управлению экономикой и подведя материальную базу под возрождаемое полновластие Советов народных депутатов;

активнее внедрять наиболее эффективные, наиболее заинтересовывающие трудящихся в конечных результатах работы методы хозяйствования, в частности второй формы хозрасчета и аренды.

Таковы конкретные задания — хозяйственным и советским органам, партийным комитетам и организациям, трудовым коллективам. Чем быстрее и лучше они будут выполнены, тем скорее будут получены ощутимые результаты — и в экономике страны, и в росте народного благосостояния. Как всегда, особая ответственность за успех общенародной работы и борьбы на этих направлениях ложится на партию и ее организации. «Центральный Комитет КПСС обязывает партийные организации, — записал июльский Пленум в своем постановлении, — сосредоточиться на практическом осуществлении установок конференции, добиваясь того, чтобы их выполнение стало стержнем работы партии, всех государственных и общественных организаций, побуждало людей действовать с полной отдачей и ответственностью за порученный участок. Решающее значение приобретают инициатива и организованность коммунистов, активная позиция каждого члена партии в конструктивном разрешении возникающих проблем, утверждении новых подходов в политической, экономической, социальной и духовной сферах, в борьбе с недостатками, проявлениями бюрократизма, недисциплинированности и безответственности. Всю работу следует вести конкретно и настойчиво, добиваясь ощутимых результатов».

Естественно, что одной из главнейших организационных опор проведения такой работы служит осуществление разработанной XIX партконференцией коренной реформы советской политической системы. Создание правового социалистического государства, укрепление за-

конности и развитие на современной основе законодательства, судебная реформа и другие мероприятия политико-правового характера призваны обеспечить стабильные, гарантированные, постоянно улучшающиеся общественные условия для жизни и труда советских людей, для неуклонного роста социальной активности масс. Мы завоевали в Октябре 1917 г. исторически высший тип демократии — демократию для трудящихся, демократию, основанную на принципах социальной справедливости. Но нельзя, как это было в прошлые годы и десятилетия, удовлетвориться этим действительно великим завоеванием, тем более кичиться им, забывая о том, что в дореволюционной России (за исключением краткого послефевральского периода) фактически не было условий для накопления опыта демократической организации жизни, тем более демократических традиций, многое следовало начинать с нуля. К сожалению, были упущены целые десятилетия для такой работы. Перестройка, демократизация общественной жизни призваны не только ликвидировать последствия известных деформаций в развитии социализма вообще, социалистической демократии в частности, но и восполнить явные имеющиеся пробелы, осуществить работу по созданию всеобщей и всеохватывающей, входящей в привычку демократической культуры. «Важно, — отмечал В. И. Ленин в 1918 г., — привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»[5].

Углубление и расширение социалистической демократии, выработка прочной демократической культуры есть и условие, и результат выполнения этой исторической задачи, практически решаемой в наши дни. Только в ходе последовательной и настойчивой работы в этом направлении будут осуществляться коренные цели социализма: организация будет перерастать постепенно в самоорганизацию, управление — в самоуправление, дисциплина — в сознательную товарищескую, коллективную самодисциплину.

И очень важно, учитывая тенденции преобразований в экономике и политической системе, иметь в виду, как отмечено в докладе на партконференции, что «огромные резервы заложены в развитии всех форм социалистического самоуправления народа. У нас уже есть

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 53.

и правовая, и политическая, и в какой-то мере психологическая основа для их широкого развертывания, особенно в трудовых коллективах. Всесторонне оценивая и собственный опыт, и опыт наших друзей в социалистических странах, предстоит еще и еще раз продумать встающие здесь вопросы, связанные с целесообразностью полной или частичной передачи отдельных функций государственных органов тем или иным самоуправляемым организациям. Главное, чтобы это делалось не по форме, а по существу». Здесь мы видим ясный ответ тем управленцам и обществоведам, которые высказывают опасения по поводу масштабов и темпов процесса демократизации, сомнения в готовности масс действовать в условиях широкой демократии, самодеятельно. Опыт демократической жизнедеятельности приобретается только в ее процессе, его нельзя усвоить заранее, как нельзя научиться плавать без воды.

Существенным каналом приобретения такого опыта являются различные самодеятельные объединения, возникающие в ходе перестройки как грибы после дождя. Они разнородны по составу, по задачам, по реальным действиям. В резолюции конференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» говорится, что «как позитивное явление следует рассматривать возникновение в последнее время ряда новых общественных ассоциаций и объединений, ставящих своей целью содействие делу социалистического обновления. Конференция в то же время осуждает всякую деятельность, направленную на подрыв социалистических устоев общества, разжигание национальной и расовой вражды, проповедь войны, насилия и аморальности». Нерешенных проблем в обществе много, возникают в ходе его развития новые, и рождение самодеятельных инициативных объединений — если только они желают участвовать в практическом решении этих задач, а не ограничиваются крикливыми «кампаниями протеста» — нужно всячески приветствовать.

Но не только приветствовать, а идти им навстречу, помогать налаживать полезные для общества дела, осуществлять ценные инициативы. На конференции отмечалась необходимость радикального улучшения идеологической работы, особенно в связи с активной деятельностью неформальных движений и объединений. Выступая за расширение демократии и гласности, эти движе-

ния и объединения могут способствовать осуществлению курса партии на перестройку. Для этого надо усилить партийное влияние — участие в них коммунистов должно быть заметным. Ни в коем случае нельзя мириться с теми, кто стремится поставить себя вне нашей политической системы, кто под флагом демократизации и гласности пытается протаскивать чуждые социализму взгляды и навязывать свою волю партийным и советским органам. Не разобщать, а сплачивать людей на принципах социализма и интернационализма вокруг конкретных практических дел должны и новые массовые объединения и движения.

Хотелось бы сделать одно уточнение. Термины «неформалы», «неформальная организация» нехороши: они как раз передают момент отчуждения от советской политической системы, которое свойственно лишь некоторым группам экстремистов. Ни одно занимающееся полезными (пусть порой непривычными) делами самодеятельное объединение не должно быть неформальным в смысле его непризнания органами и учреждениями Советской власти и в смысле неоказания им организационной и идейной помощи государственными, партийными и общественными организациями. Термин «неформал» обиден, представляет участников подобных движений и объединений как изгоев; он обиден и для органов Советской власти, косвенно свидетельствуя об их неумении объединить, поддержать и использовать общественные инициативы. С другой стороны, «неформальными» должны бы стать все существующие государственные и общественные структуры — в смысле преодоления любых проявлений формализма в собственной деятельности.

В соединении, интеграции созданных и развивающихся государственных форм организации общественной жизни с самоорганизацией, самодеятельностью масс — магистральный путь будущего развития политической системы социализма. Предшествует этому налаживание делового взаимодействия, организация объединения усилий на решение конкретных, повседневных задач. И на этой почве целенаправленнее и эффективнее будет идейно-политическая работа партии, значение которой все более возрастает как раз в процессе обращения к самым деловым моментам перестройки. Поэтому, как отметил июльский Пленум ЦК КПСС в постановлении «Об отче-

тах и выборах в партийных организациях», «в центре внимания каждой партийной организации должны находиться вопросы идейной, интернационалистской закалки советских людей, особенно молодежи, воспитания добросовестного, творческого отношения к труду, глубокого сознания долга перед обществом, непримиримости к любым проявлениям безответственности и бюрократизма». Более полное использование такого канала связи с массами, как опора на их же инициативы и движения, на самодеятельные объединения, помогает понять возможные пути перестройки идеологической работы, которая, к сожалению, остается, пожалуй, самым запущенным участком нашей общественной жизни.

Можно вкратце обрисовать пути перемен в этой области, вытекающие из установок, данных февральским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС. Прежде всего, конечно, требуется пополнение содержания ее тем комплексом идей, который выработан партией за годы перестройки и по праву получил название идеологии обновления. Необходимо все формы идеологической деятельности приблизить к жизни, к решению многообразных задач перестройки. Метод такого приближения, не сводимого к насыщению содержания идеологической работы новыми идеями, состоит в усилении обратной связи между теми, кто участвует в идейно-воспитательной работе (это, конечно, не только собственно идеологический актив), и массой трудящихся, населения. Во-первых, предложения, замечания, инициативы, высказываемые людьми, должны быть в максимальной степени использованы и в качестве предмета дискуссии, и в практических решениях. А это значит, во-вторых, что полноценной мы можем признать только такую идеологическую работу, которая в конечном счете выражается и в организационных усилиях, и в обеспечении практической результативности обсуждений, дискуссий и т. п., точно так же, как, наоборот, организаторская работа может быть по-настоящему действенной только тогда, когда она сопровождается идейно-воспитательными усилиями, разъяснением необходимости тех или иных практических действий, инициированием самодеятельности людей, коллективов, масс.

Чтобы идеология обновления стала подлинным стержнем идеологической работы, необходимо, как отмечалось на конференции и июльском Пленуме ЦК, усилить на-

шу теоретическую работу, развивать и далее современную концепцию социализма. «Общество, идущее к своему качественно новому состоянию, — подчеркнул М. С. Горбачев в докладе на конференции, — нуждается в целостной концепции развития, видении диалектики процессов, противоречивости их отражения в массовом сознании, в учете плюрализма мнений, выработке научно обоснованных перспектив». Общественным наукам еще предстоит по-настоящему включиться в перестройку, до конца преодолев догматизм и отрыв от жизни. У них есть для этого надежные ориентиры, выработанные партией за годы перестройки.

Нелепым и вредным является утверждение (а оно прозвучало даже на конференции), будто бы перестройка не была должным образом продумана и подготовлена, а потому носит «декларативный характер», будто бы «объявили о ней без достаточного анализа причин возникшего застоя, анализа современной обстановки в обществе, без глубокого анализа в разрезе истории допущенных партией ошибок и упущений». От подобных утверждений веет не только недооценкой происшедших за три с лишним года перемен, не только попыткой посеять сомнения в правильности линии и деятельности партии в период перестройки, но и, смею заметить, невежеством — непониманием характера взаимосвязи марксистско-ленинской теории с практикой. Невозможно создание целостной теоретической концепции априорно, до практического опыта и его осмысления, тем более в эпоху крупных революционных перемен, когда жизнь постоянно выдвигает новые сложные проблемы.

Ход перестройки показал, что партия справляется с этими проблемами, своевременно их осмысливает и решает, учитывая практический опыт масс во всех сферах общественной жизни, внося своевременные коррективы и в теоретические представления о социализме, и в практическую работу. Поэтому с полным основанием XIX Всесоюзная партконференция отметила, что «КПСС, взяв на себя революционную инициативу, сумела дать объективный критический анализ состояния общества и самой партии, выдвинула программу перестройки, сплотила широкие народные массы вокруг ее идей, организовала практическую работу по революционному преобразованию общественных отношений. Таким образом, Коммунистическая партия еще раз продемонстрирова-

ла, что она является носителем программных целей общества, выступает как авангард народа».

Начав в апреле 1985 г. революционную перестройку общества, партия настойчиво раскручивает ее маховик, выдвигая новаторские идеи и решения, зажигая массы духом перемен, неустанно, шаг за шагом, двигая общественную жизнь вперед. И потому все ощутимее рост политической активности масс. Так, сразу после опубликования вызвали широкий интерес и активную дискуссию проекты Законов об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР.

Конечно, оглядываясь назад, на весь ход перестройки, замечаешь упущения и даже ошибки. Многое можно было сделать лучше. Работа конференции и Пленума как раз нацелена на самокритичный анализ сделанного и потому дала ясный план улучшения деятельности партии, государства, народных масс по обновлению социализма. В выступлениях делегатов, во всех материалах конференции и Пленума ЦК стремление добиваться большего, идти дальше было главным.

Свой высокий общественный и международный авторитет ленинская партия подтверждает и укрепляет тем, что глубоко анализирует сложнейшие реальности нашего времени, правдиво и критично вскрывает трудности и недостатки, предлагает ясную, научно обоснованную стратегию и тактику практической деятельности, смелую и перспективную внутреннюю и внешнюю политику, выражающую жизненные интересы советского народа, цели прогресса человечества. Этот авторитет — величайшая ценность, которую можно сохранить и приумножить только напряженным творческим трудом и борьбой во имя обновления социализма каждой партийной организации, каждого коммуниста.

Не принято заканчивать цитатой, тем более не из документов и классических работ, но не могу удержаться от того, чтобы не привести очень хорошее высказывание делегата конференции первого секретаря ЦК КП Грузии Д. И. Патиашвили: «Коренной поворот в политическом мышлении, сдвиги внутри страны и активная внешняя политика изменили и нас, и окружающий нас мир, который стал уже другим, не столь агрессивным и отчужденным. На нас смотрят с надеждой, и появляется чувство патриотической гордости за нашу страну, за нашу партию. Начинаешь реально осязать: действительно, со-

циализм только сейчас по-настоящему, по-ленински стал раскрывать свой огромный потенциал, а перестройка и гласность возвысились как гуманитарная цель. Нашему поколению выпало жить и трудиться на очень сложном, переломном и ответственном этапе развития советского общества, когда оно возвращает утраченную авангардную роль в социальном прогрессе. И мы должны быть достойны высокой миссии, которую возложила история на нашу партию, наш народ, на каждого коммуниста».

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Владимир Семенович Марков

XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Гл. отраслевой редактор А. Н. Киляхин
Мл. редактор И. В. Федорова
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор Н. В. Клецкая
Корректор Л. А. Баронс

ИБ № 9696

Сдано в набор 01.10.88. Подписано к печати 22.11.88. А-13887. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.-изд. л. 3,52. Тираж 51 149 экз. Заказ 1968. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 880012.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.